

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РЫЦАРИ ПОРОГА

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
АНТОН КОРНИЛОВ
**БРАТСТВО
ПОРОГА**

Рыцари Порога

Роман ЗЛОТНИКОВ
Братство Порога

«Автор»

«Автор»

2010

Злотников Р. В.

Братство Порога / Р. В. Злотников — «Автор», «Автор»,
2010 — (Рыцари Порога)

Какой подарок может преподнести своей дочери на совершеннолетие повелитель самого могущественного королевства? То, что не в силах позволить себе ни один другой монарх. Трех рыцарей Порога – воинов, равных которым не найти во всем мире. Воинов, давших святую клятву оберегать жизнь принцессы до последнего вздоха. Видно, сам Светоносный даровал эту мысль королю, ибо уже нависло над его землями проклятие смуты и древний враг покинул свои потаенные чертоги... Но вовсе не боги управляют судьбами мира. Зачастую тысячи людских жизней зависят от решения одного человека. Именно так и произошло в славном королевстве Гаэлон в тот год, когда на небо возшла невиданная Алая звезда. И под ее кровавым светом три меча обратились против целых армий, жестокой власти великих магов и грозной воли Высокого Народа.

© Злотников Р. В., 2010

© Автор, 2010

© Автор, 2010

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	13
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роман Злотников, Антон Корнилов

Братство Порога

ПРОЛОГ

Тесная комнатка, в которой едва помещались два кресла, была сплошь задрапирована темными пыльными порттьерами и оттого казалась еще меньше. Неровное трепещущее пламя масляного светильника, подвешенного к низкому потолку, бросало на лица двоих находящихся в этой комнатке людей лохматые желтоватые отблески, подобные осенним листьям, колеблемым холодным ветром.

Константин поднес к губам костяной рог, над которым висело тяжелое серое облачко, и отпил глоток отвара, приготовленного из трав, собранных на огненных пустошах Темного Мира и потому не имеющих названия ни на одном из человеческих языков. Гархаллокс, сидевший в глубоком кресле напротив Константина, в который уже раз за сегодняшний вечер не смог удержаться от озноба, волной пробежавшего по спине. Он невольно подумал, что его старый друг и соратник теперь почти перестал принимать привычную для людей пищу, предпочитая укреплять тело и дух магическими снадобьями. Видимо, из-за наполненности магической энергией от Константина исходило явственное шуршащее потрескивание, и время от времени меж пальцев его рук пробегали голубые искры. Из-за частых посещений Темного Мира, необходимых для совершенствования магического мастерства, кожа на лице и руках Константина приобрела мертвенно-свинцовый оттенок, уши заметно заострились, а на переносице резко обозначился острый хрящ, придав носу, и раньше-то кривому и горбатому, поразительное сходство с птичьим хищным клювом. Чуждая человеку природа Темного Мира преобразила Константина, приблизив его облик к облику обитателей этого ужасного места – демонов.

Константин отпил еще глоток, хрипло вздохнул и задал Гархаллоксу вопрос, который тот давно ожидал:

– Насколько мы сильны?

– Настолько, насколько это возможно, – ответил Гархаллокс.

– Ты уверен в своих людях?

Гархаллокс с готовностью кивнул:

– Настолько, насколько это возможно. – Он не нашел лучшего ответа. – *Они* ничего не знают о нас, – добавил он. – *Они* давно уже не появлялись среди людей.

– Давно, – подтвердил Константин. – Они приходили к людям четырнадцать лет назад. Когда забрали принца Барлима, сына Марлиона Бессмертного, короля Марборнийского. Ты помнишь то время. Престарелого Барлима его папаша вознамерился просватать за Литию, которой тогда было всего шесть лет. Если бы желание Марлиона сбылось, королевства Марборн и Гаэлон объединились бы в одно, а это, в свою очередь, означало бы возникновение Империи. *Они* не допустили этого, попросту убрав с политической арены главное действующее лицо – наследного принца Барлима. Четырнадцать лет назад. Хотя, конечно, разве это срок для *них* – четырнадцать лет...

– Да, – сказал Гархаллокс.

– Однако это не повод, чтобы медлить. *Они* – дети не Солнца, как мы, люди, они – *дети* Луны. Через семнадцать дней сила Луны начнет иссякать, и в течение пяти последующих дней она будет минимальной. Значит, и *их* магия будет наименее могущественной, и у *них* останется меньше шансов, чтобы помешать нам. Или совершим то, что задумали через семнадцать дней, или нам придется ждать до следующего года. Я не намерен ждать еще год!

– Я тоже думал об этом, – кивнул Гархаллокс. – Время Солнечного Равноденствия – самое удачное. Ждать дольше опасно.

– Нас много и мы сильны, – проговорил Константин. – Так?

– Да, – подтвердил Гархаллокс.

– О нас никто не знает.

– Да, – снова сказал Гархаллокс.

– Значит, у нас осталось всего семнадцать дней для подготовки. Точное время, когда мы начнем, я назову позже. Ты и сам можешь читать по звездам и говорить с духами, но все-таки будет лучше, если это сделаю я.

– Да, – еще раз сказал Гархаллокс, на этот раз чуть помедлив.

И замолчал. Константин тянул из рога свой отвар, внимательно разглядывая товарища, Гархаллокс тоже рассматривал его. Они давно не виделись. Сколько? Пожалуй, более двух лет. Константин был вынужден отметить, что Гархаллокс сильно изменился. Когда-то изможденно-худой и бледный до болезненности, сейчас он порядочно растолстел, отпустил опрятную седоватую бороду, похожую на плотно набитую подушку. Что ж, надо думать, теперь он питается хорошо... Одет Гархаллокс, как и подобает человеку его рода занятий и положения. С округлых плеч разбегалась гладкими складками многослойная белая ткань сутаны мага Сферы Жизни, расшитая нитями голубого, черного и красного золота. Стоимость материала, использованного для пошива сутаны, как и стоимость самой работы, трудно было даже вообразить. Но ровно и тепло светившийся в полумраке золотой медальон в виде Солнца, оплетенного древесными ветвями, искусно украшенный множеством драгоценных камней, обладающий к тому же и мощной защитной магией, вовсе не имел цены. Гархаллокс приобрел сановную уверенность и некоторую покровительственную снисходительность в суждениях. Лишь когда разговор заходил о *них*, давно похороненные в глубинах памяти воспоминания – воспоминания его предков – оживали. Он бледнел, глаза его вспыхивали, и Гархаллокс ненадолго снова становился похожим на себя прежнего...

Да, теперь он архимаг Сферы Жизни, один из девяти членов Совета Ордена Королевских Магов и, пожалуй, самый влиятельный среди этих девяти. Достиг бы он того, чего достиг, если бы не золото и поддержка Константина?

Никогда.

Константин хорошо помнил те времена, когда Гархаллокс был лишь одним из немногих, знавших *истину*, и опасность этого знания породила в нем скрытность и нелюдность. Низший маг Сферы Жизни, не обладающий выдающимися способностями и амбициями, он был обречен до смертного часа влачить существование рядового чародея Сферы. У него была только причина продолжить то дело, которое когда-то начал Константин, но недоставало для этого ни сил, ни возможностей. Если бы Константин не нашел его тогда – о боги, сколько лет назад! – что бы оставалось делать Гархаллоксу?

Молча ненавидеть.

Но как же он все-таки сильно изменился! Ядовитая сладость власти черной кровью запеклась на его губах. Теперь он силен и чувствует это; и сознание этого чувства наполняет его удовлетворенным спокойствием.

Константин прислушался к мерному гулу, приглушенному тяжелыми полами портьер – будто за ними дышало море.

«А каково было бы мне, если бы я его не встретил?» – внезапно подумал Константин.

Большого дела нельзя сделать в одиночку. И, видно, боги свели их вместе. Наверное, на то была воля Светоносного. А значит, они правы. И победа рано или поздно будет за ними.

– Пора, – проговорил Гархаллокс, с некоторым трудом поднимая из мягкого нутра кресла свое большое тело. Он огладил бороду и, накинув на плечи длинный плащ, скрыл под ним великолепие своей сутаны. Золотой знак архимага Сферы Жизни перед тем, как исчезнуть под

плащом, блеснул в неровном свете тусклой масляной горелки настолько ярко, что Константину пришлось прищуриться.

Он усмехнулся появившейся вдруг мысли о том, что если бы он только захотел, этот не имеющий цены медальон красовался бы на его собственной груди. Да что там Сфера Жизни! Захоти он, получил бы и выкованное из черного серебра изображение оплетенного змеей черепа с живыми глазами – знак архимага Сферы Смерти. И Сосуд Ветра – каплю вечного льда, в которой можно разглядеть сплетающиеся струи смерча – знак архимага Сферы Бури. И мечущуюся внутри сложной спирали багровую искру Идеального Пламени, горящего и не сгорающего, знак архимага Сферы Огня... Эти медальоны, означающие власть над всеми четырьмя магическими Сферами, Константин мог бы иметь, если б на то было его желание.

Но хотел он не этого. Хотя знал, что во всем мире людей не найдется мага сильнее его. Да даже если б и нашелся, что мог бы сделать тот выскочка, всю жизнь проведенный в изучении лишь одной области магического искусства, в незапамятные времена разделенного на четыре Сферы? Что бы мог поделаться этот неведомый чародей против мага, в равной степени безукоризненно овладевшего всеми тайнами магии, доступными человеческому существу? Против мага, одинаково искушенного во всех четырех Сферах? Константин знал свою силу и ни за что не стал бы открывать ее миру.

Ибо все, что происходило в этом мире, было известно *им*. Ибо это *они* положили начало разделению областей познания магического искусства. Чтобы ни один, даже самый сведущий в своей Сфере маг не сумел понять истинную картину сущего. Чтобы ни один из людей не мог противостоять *их* магии...

– Пора, – повторил Гархаллокс, который уже успел зашнуровать свой плащ и теперь выжидающе смотрел на товарища.

Константин, не торопясь, допил свой отвар, спрятал рог в складках темной мантии, провел ладонью по почти облысевшей голове (затрещали, осыпаясь на пол, голубые искры) и поднял с колен высокую меховую шапку.

– Надень лучше вот это, – проговорил Гархаллокс, протягивая ему изрядный лоскут плотной черной ткани.

Лоскут при ближайшем рассмотрении оказался колпаком, полностью скрывавшим лицо, оставляя открытыми только узкие прорезы для глаз.

– Эта штукавина оскорбляет мое чувство прекрасного, – усмехнулся Константин. – Ты считаешь, она необходима?

– Так будет лучше, – с уверенностью проговорил Гархаллокс, – твоя жизнь слишком ценна для всех нас. Твое лицо... оно стало приметнее, чем было раньше. Тот, кто лишь раз его увидит, уж точно не забудет до конца жизни. Извини...

– Среди твоих людей могут оказаться предатели?

– Это наши люди, – уточнил Гархаллокс. – Не мои – наши. Это ты первым начал искать тех, в ком еще жива ненависть к *ним*, ненависть, прошедшая через многие поколения. Ты знаешь, какова она, эта ненависть к *ним*. Ты нашел меня. А я просто продолжил твое дело. Теперь нас много. И я уверен, что все мои... все наши люди преданны нам – тебе и мне – до последнего вздоха. Но... не мне тебе объяснять, что существует уйма способов выведать у человека необходимые сведения без его на то воли. Это вовсе не трудно. Тем более для *них*. Ты сам учил меня когда-то осторожности, – помедлив, добавил он. – Когда только мы вдвоем составляли Круг Истины.

– Никаких названий! – поморщился Константин. – Что еще за Круг Истины?! Если мы хотим сохранить наше общество в тайне – никаких названий. Никаких тайных знаков! Никаких ритуалов! Никаких шифрованных посланий! Ничего такого, что могло бы привлечь внимание непосвященных! Нам ни к чему все эти... игрушки для взрослых.

– Я помню и знаю. Круг Истины – так называю общество я, и только я. Прости мне мою слабость.

«Круг Истины, – мысленно повторил Константин слова своего друга и соратника, – а вообще-то неплохо!.. – Он вспомнил, что ему предстоит сейчас совершить, и с каким-то сладострастным нетерпением стиснул зубы. – Посмотрим, посмотрим... Неужели наши дела так хороши, как говорит Гархаллокс? О, как давно я не был среди людей!..»

Пока Константин надевал колпак, Гархаллокс, раздвинув портьеры, покинул комнату – ярко сверкнула и тотчас сомкнулась щель, на мгновение озарив каждый пыльный уголок тесного помещения.

По ту сторону портьер послышались раскаты глухого рева. Константин немного подождал, пока шум утихнет, потом резко откинул портьеру и шагнул вперед. Мир звуков молниеносно съехался и исчез, словно сухой древесный лист в костре.

То, что увидел Константин, ошеломило его.

Как мог поместиться под башней, где располагалась резиденция архимага Сферы Жизни, этот громадный подземный зал? Даже освещенный несколькими сотнями факелов, укрепленных вдоль стен, он выглядел полутемным. На возвышении, где, выйдя из тесной комнаты, оказался Константин, яркий свет пламени резал глаза. Факелы на противоположной возвышению стене казались крохотными звездочками, мерцающими на ночном небосводе, а в центре зала, куда не доставали световые лучи, плавали густые тучи нетронутого мрака.

И этот зал был заполнен людьми, одетыми в одинаковые темные плащи, под которыми таилась их мирская одежда. Это там, в большом мире, они были теми, кому богами доверены нити людских судеб: богатыми торговцами, аристократами, родовое древо которых знало и королей, старшинами цеховых гильдий, верховными жрецами, воинскими начальниками, ворами, пользующимися немалой властью в ночном мире... и магами. Магов, пожалуй, было большинство. Но здесь никто не имел ни имени, ни звания, ни возраста. Здесь они были абсолютно равны, потому что каждому из них открылась истина, а истине чужда иерархия. Они подчинялись только Гархаллоксу, Указавшему-Путь, как одинаково любимые дети подчиняются отцу. А Константин был для них Тем-О-Ком-Рассказывают-Легенды, недостижимым и в полном смысле этого слова мифическим... даже не человеком, а образом, в реальности существования которого кое-кто мог и сомневаться.

До этой ночи.

В голове Константина сами собой вылепились слова: «Это именно то, к чему я так долго шел...» Он не успел додумать до конца эту мысль.

Настало время действовать. Время делать то, ради чего он пришел сюда сегодня.

Он закрыл глаза, привычным толчком воли вошел в транс и внутренним взором окинул толпу. словно мириады пчелиных роев, закружились перед ним обретшие материальность человеческие мысли. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы разглядеть в их клоко-чущем сонме дурных шершней потаенной вины, сплошь покрытых отвратительной шерстью страха.

...Вот Гиг, капитан дворцовой стражи. Ему тридцать шесть лет, он приземист, конопат и, несмотря на возраст, абсолютно лыс. Его, сироту, умирающего от голода, подобрали странствующие монахи храма Безмолвного Сафа и передали на воспитание солдатам городского гарнизона. Он вырос в казарме, впитав с тюрей из кусков заплесневевшего хлеба и разбавленной водки нехитрую солдатскую премудрость. У него лиловое родимое пятно на внутренней стороне левого бедра, больше всего он любит тонко наструганную, проявленную до каменной твердости конину и темное пиво, которое подают в кабачке кривого Ануганда, что близ южной городской стены; и терпеть не может, когда собеседник в разговоре толкает его локтем в бок и подмигивает. Он никогда не знал честной женщины, деля трактирные лежа с дешевыми шлюхами. За все время службы – сначала в гарнизоне Дарбиона, потом в дворцовой страже – он не

попал ни в одну серьезную стычку и не заработал ни одной раны. Природным чутьем избегая опасности, как в сфере военной, так и в сфере немудреных казарменных интриг, он счастливо пережил многих своих сверстников и дослужился до капитанского звания. Его вина в том, что он в последнее время зачастил на приемы к генералу Гаеру и даже, встречаясь с генералом во дворце, неоднократно пытался завязать разговор, добиваясь того, о чем не успел попросить во время приемов. К чести Гаера можно сказать, что он долго старался не замечать назойливости подчиненного и все-таки не выдержал и ударом ножами по лицу положил конец приставааниям капитана. Впрочем, кто мог поручиться, надолго ли?.. Это здесь, облаченные в черные безликие плащи, Гиг и Гаер могут дружески поболтать, а в большом мире никто не должен допускать даже тени малейшего подозрения по поводу странности их отношений.

...А вот Катарис, рожденный в семье марборнийских торговцев и двадцать три года назад осевший в Дарбионе, где на папашины капиталы открыл палатку, торгующую рыбой. Катарису немного за пятьдесят, у него три дочери и два уже взрослых сына, один из которых усердно помогает отцу. Старается – молодец, парень! – готовясь через пару десятков лет принять предприятие в свои руки. А второй – подонок. Вытребовав совсем недавно у отца долю наследства, пропивает ее по грязным дарбионским кабакам, скотина такая!.. А девятнадцать лет назад Катарис, везя товар в близлежащую деревню, напоролся на двух нищих, оказавшихся самыми настоящими грабителями, и в отчаянной свалке зарезал обоих случайно попавшимся под руку ножом. С испугу и сам не понял, как это так у него получилось... С той поры одна-единственная рыбная лавчонка Катариса превратилась в четыре, потом – в шесть, а потом и вся торговля рыбой в Дарбионе отошла к нему. Катарис разбух, будто перекачав в собственное брюхо жир всех тех мелких торговцев-рыбаков, которых разорил. А тот самый нож везде носит с собой, словно талисман. Но в последнее время лишь одна потаенная страсть терзает Катариса, будто заведшийся в брюхе червь: неутолимая глухая злоба по отношению к собственной сварливой и крайне подозрительной жене, чудовищно растолстевшей от многих родов... Вина Катариса в том, что он, снедаемый этой ненавистью, мечтает вскоре прирезать ненавистную супругу.

На семейные склоки Константину было глубоко наплевать, но эти мечты о будущей свободе подвигли Катариса на совершеннейшее пренебрежение своей половиной и зародили в ее душе опасные сомнения и сильную подозрительность. А это уже ставило под угрозу все их дело. Потому что своими подозрениями, подкрепленными частыми отлучками торговца по делам, связанным с их тайной, она поделилась со всеми окрестными кумушками. И теперь о Катарисе начали ходить чрезвычайно подозрительные слухи, вполне способные закончиться застенком городской стражи. А уж там из него вытрясут все. И тогда о тайне можно будет забыть. А тайна – это единственное, что может помочь им всем не только победить, но даже просто остаться в живых до того времени, пока не наступит срок...

Константин много чего еще мог прочесть в головах у этих двоих, но не стал этого делать, отмахнулся от мелких никчемных мыслей и мыслишек, крепко поймав в воображаемый кулак только две, нужные ему сейчас. Какие разные эти двое! Но объединяет их одно. Оба они родом из тех мест, что века и века тому назад с лютой и бессмысленной жестокостью были опустошены ими. Не так уж и много в мире подобных мест, где еще жива память о прошлом. Немного осталось и людей, в сердцах которых еще тлеют переданные от отцов и дедов страх и ненависть.

Это особый страх и особая ненависть. Это подспудные, неосознанные, потаенные чувства. Есть такие люди, которые боятся пауков или каких-либо других гадов, хотя эти гады никогда не причиняли им ни малейшего вреда. С отвращением, вяжущим лица, они стремятся уничтожить тварей, где только их увидят. Откуда взялся страх? С тех давних времен, когда их предки жили в местностях, кишавших этими тварями, смертельно опасными и коварными.

Страх и ненависть перед ними – почти сродни такому страху. Почти – потому что они во сто крат сильнее.

И пожалуй, все люди, в чьей крови разлита древняя ненависть к *тем-кто-смотрит*, собрались здесь, в громадном подземном зале, в самом сердце Дарбиона, под резиденцией архимага Сферы Жизни Гархаллокса. Ну, конечно, не все до одного... Только те, кто может обладать определенным влиянием. Для большого дела такие люди гораздо важнее каких-нибудь простых солдат, грязных нищих или темных крестьян.

Константин ненадолго задумался: какую участь избрать для Гига и Катариса? Он открыл глаза, которые тут же почернели в прорезях колпака, словно наполнились темной водой. Для уровня заклинаний, которые он собирался применить, ему уже не требовалось ни дополнительной концентрации, ни произнесения тайных слов вслух. Движением мысли он создал канал для передачи энергии и, разделив его, освободил малую часть магической силы...

Абсолютная тишина стояла в зале. Лишь с легким шорохом люди в черных плащах расступились, оставив два небольших участка пространства, на которых медленно и безвольно зашевелились с опустевшими лицами гвардеец и торговец, снимая с себя одежду. Константин шевельнул бровью, и движения его жертв ускорились. Спустя десять вдохов и выдохов они стояли на каменном полу посреди разбросанной одежды полностью обнаженными.

А потом плоть их тел заходила волнами. Едва держась на ногах, несчастные начали извиваться, точно их, погруженных в жидкость, били струи стремительного течения. Под кожей Гига и Катариса вздулись громадные пузыри темной крови – это каждая косточка в их телах, подчинившись воле Константина, захрустела суставами, поворачиваясь вокруг своей оси. Гиг заревел диким быком, но из его горла плеснул фонтан крови, и рев, сменившись бульканьем, стих. С посиневших губ Катариса вместе с нитями слюны вырвался лишь тихий сип. И те, кто только что были людьми, словно два багровых мешка, сшитых в форме человеческих тел, с отвратительным чавканьем опустились на каменный пол.

Изуродованные тела еще подергивались, испуская клочущее хриплое дыхание – казнь свершилась так быстро, что жизнь не успела покинуть Гига и Катариса. Никто из находящихся в зале людей не произнес ни слова, не издал ни звука. Взгляды присутствующих оторвались от агонизирующих полутрупов и снова вонзились в неподвижную фигуру Константина.

«Только двое, – подумал Константин, оглядывая толпу, – всего только двое. Остальные чисты. Конечно, маги чисты, в них-то я был уверен, ведь они лучшая часть человечества, маги всегда видят дальше и больше, чем обычные люди... Но кроме них... Только двое! Это кажется невозможным, но это так... Великие боги, как сильна и страстна ненависть, пронесенная через века!... *Они* посеяли эту ненависть, *им* теперь и пожинать ее плоды... Да, это сам Светоносный свел меня с Гархаллоксом...»

Все смотрели на него. И Константин, повинувшись безотчетному импульсу, сорвал с головы колпак. Довольно долго он стоял совсем неподвижно. Затем резко повернулся и скрылся за портьерами.

* * *

Опустившись в кресло, он счастливо выдохнул. Радость, какая бывает при удачном завершении очень большого дела, дела всей жизни, пузырилась в нем, будто королевское вино. Искры пробегали меж его пальцев чаще, чем до посещения зала, и среди голубых вспыхивали алые и желтые. Энергетическое потрескивание, исходящее его телом, стало громче. Через некоторое время к Константину присоединился Гархаллокс. Уверенное торжество упокоилось на его сытом лице. Взглянув на него, Константин вдруг решил: одного кивка достаточно, чтобы выразить свое отношение к его работе.

– Итак, – продолжая прерванный разговор, произнес Константин, – я слушаю тебя. Говори.

Гархаллокс моментально понял, что от него хотят услышать.

– Не все наши люди находились сегодня в зале, – начал он.

Константин досадливо покривил губы.

– Слишком опасно для них было бы – даже инкогнито – прибыть сюда из своих королевств, отложив дела, которые нельзя откладывать, не наведя на себя подозрений, – поспешил объяснить Гархаллокс. – Каждый из тех, кто не имел чести предстать перед тобой, – знатная и влиятельная особа при своем дворе. Герцог Уман Уиндромский из Марборна, князя Лелеан и Гиал из Крафии, воевода Парнан из Кастарии, придворный ювелир Гавар из Линдерштейна – последний хоть и не знатен, но очень богат; он обязан каждый день находиться при дворе, и его отсутствие вызвало бы ненужные толки...

– Они преданы нашему пути? – спросил Константин, внимательно выслушав пять имен, широко известных в пяти близлежащих королевствах.

– До последнего вздоха. Как и те, кого ты сегодня видел. Они осведомлены о том, что время Великих Перемен близко. Они готовы, и они ждут условного сигнала.

– Сегодняшнее собрание лишено смысла, если хоть один из наших людей на нем не присутствовал, – сказал Константин. – Разве ты не мог этого понять? Среди тех, кто был в зале, я нашел двоих, на кого нельзя положиться. А если таковые есть среди тех пятерых?

– Ты уверен во мне? – выпрямился в своем кресле Гархаллокс.

– Да.

– И я так же уверен в них. Ты доверял мне все эти долгие годы, почему же теперь сомневаешься?

– Потому что мы воздвигаем новое здание, и в основание его должны лечь скальные камни, а не глина...

Договорив, Константин закусил губу. Неужели то, к чему он шел всю жизнь, вскоре осуществится? Старый порядок подспудного страха и беспечной слепоты уйдет навсегда... Короли и князья – заплывшие жиром представители одряхлевших династий, не видящие дальше бороздавок на собственных носах, полетят вверх тормашками с насиженных мест. Короли и князья, живущие по заветам *тех-кто-смотрит* так давно, что уже забыли об этом, величаво полагающие властителями человека себя, а не их, в одночасье покинут этот мир. А престолы, с которых горячая кровь смывает тысячелетнюю вонь замшелых задниц, займут те, кто по праву должны властвовать. Знающие *истину*. Знающие право людей решать все за себя, а не быть тупыми животными, исподволь ведомыми *ими*, потаенными пастырями...

Несомненно, такого крупного переворота еще не знала история мира, и вряд ли когда узнает. Скоро, скоро грянет событие, равное по значению легендарной Великой Войне... А может быть, даже превосходящее ее.

Шесть крупнейших королевств, включая и Гаэлон, шесть величайших государств, граничащих друг с другом, станут основой и оплотом новой великой Империи...

Империи Людей. Империи людей, свободных от *их* неусыпного ока. От *их* всеобъемлющего контроля над человеческими жизнями.

Он так долго жаждал этого, что сейчас, когда оставался всего один шаг, не испытал никакого сильного чувства. Словно все, что должно произойти, уже произошло когда-то, в каком-то неведомом мире, зеркальном этому, его родному, и оттого Константин знает все наперед.

– Орабия, – сам не зная зачем, сказал вдруг Константин и тут же понял, что проговорил название этого далекого восточного королевства одновременно с Гархаллоксом.

Тот взглянул на него изумленно:

– Ты... увидел, о чем я думаю? – спросил он.

– Как обстоят там дела? – не вдаваясь в подробности по поводу охватившего его странного ощущения, осведомился Константин.

– Лучше, чем где-либо еще. Но есть некоторые проблемы, которые требуют... некоторого вмешательства извне. Если мне... То есть, когда мне все удастся – во главе государства встанет нужный человек, готовый сотрудничать с нами. И дальше все будет совсем просто.

– Что ты намерен делать?

– Дети Ибаса, – ответил Гархаллокс. – Я решил воспользоваться их помощью.

Константин размышлял не дольше нескольких мгновений.

– Хорошо, – сказал он. – Да будет так. И еще...

– Что, Константин?

– Доведи дело в Орабии до конца. А потом с чернолицыми буду работать я. Лично.

– Как скажешь, Константин.

Часть первая КРУГ ИСТИНЫ

ГЛАВА 1

Было так: из Великого Хаоса явился Неизъяснимый и создал все сущее. И создал Харана Темного, Вайара Светоносного и Нэлу Плодоносящую, чтобы встали они над всем сущим. И зачала Нэла от Вайара, и вышли из чрева ее трое сыновей – Андар Громобой, Гарнак Лукавый и Безмолвный Саф. И вышли из чрева ее трое дочерей – Ала Прекрасная, Илла Хранительница и Васса Повелительница Бурь. И Харан Темный совокуплялся с дикими зверьми и породил расу демонов. А сыновья и дочери Светоносного и Плодоносящей стали прародителями рода человеческого. И вышел из чрева Нэлы последний отпрыск – Ибас, в котором не было ни мужского, ни женского. Треугольный горб имел Ибас – такой большой, что можно было подумать, будто он носил на спине еще кого-то. Был Ибас черен и уродлив, ибо силы матери забрали старшие дети. Стал он злобен и нечестив, ибо смеялись и глумились над последышем Андар и Гарнак, Ала и Илла и Васса. Лишь Безмолвный Саф, что нес в себе дух чистого познания и бесконечной мудрости, не смеялся, ибо понимал много и мог видеть сквозь время. И Вайар Светоносный разгневался, узрев уродца, и выхолостил чресла сыновей своих и омертвил чрева дочерей своих. А Ибаса низверг с небес, наложив на него наказ и запрет: вечно пребывать среди смертных и не помышлять о возвращении, ибо недостоин он как Вечного Поднебесья, где правил Вайар, так и Темного Мира, обители Харана, повелителя демонов. И великая обида породила великую злобу. Так страшен стал Ибас для смертных, что даже истинное имя его никто не смел произносить, и стало у Ибаса много имен. На Востоке смертные называли его Последней Упавшей Звездой; на Западе – Великим Чернолицым; на Севере – Убийцей Из Бездны; на Юге – Блуждающим Богом. Только кочевой народ, прозванный *чернолицыми*, по одному из имен бога, которому они поклонялись, называл Ибаса – Отец.

* * *

В далеком королевстве Орабия, где солнце палит так жарко, что воздух тягуч и мутен и птицы с трудом рассекают его крылами, где в гибельных пустынях красный песок режет глаз случайных путников, обреченных никогда не достичь конца своего пути, жизни уделено место лишь в немногочисленных оазисах. Самый большой из них, называемый Нхакбар, лежит на трех зеленых холмах, меж которыми синеют под раскаленными орабийскими небесами воды Озера Королей. Посреди озера высится скалистый остров, а на острове сияет округлыми зеркальными куполами, непостижимо удивительными для редких иноземцев, громада королевского дворца.

Третий месяц на стенах дворца ночами не зажигают огней. Полумрак и мертвенная тишь царят во дворце, ибо старый король Идж-Наден вот уже третий месяц не поднимается с постели. Дни Идж-Надена сочтены, скоро дух его уплывет на небесном челне к Неизъяснимому. Полумрак и мертвенная тишь царят во дворце; всеми любим король Идж-Наден, мудрый и милостивый правитель, и семья его и народ его глубоко скорбят. И плачет, запершись в одиночестве, любимый сын и наследник короля – принц Алихан. Никто не сомневается в том, что именно Алихан станет правителем Орабии после смерти Идж-Надена и так же, как и он, будет блюсти древние традиции славного королевства.

И только один человек во всем дворце наедине с самим собой сохраняет невозмутимое спокойствие; и время от времени улыбается, прищурясь в никому не ведомые и невидимые дали. Потому что известно ему то, чего никто во всей Орабии не знает... Имя этого человека – Сансан. Он сын брата короля.

* * *

Отстучали по стене дворца шаги стражей. Не зажигали факелов на стенах, но даже если бы и зажигали, даже если бы сейчас была не темная ночь, а ясный день, стражи ни за что бы не увидели человека, слившегося с дворцовой стеной в том месте, где она примыкает к стене королевской башни – хоть и прошли рядом с ним так близко, что он слышал их дыхание. Потому что там, где есть свет, есть и тень. А для человека, прятывшегося от стражи, тень – укрытие такое же надежное, как для нерожденного дитя – материнская утроба.

Стражники в белых плащах поверх стальных кольчуг, покачивая длинными копьями, дошагали до восточной сторожевой башни, встретились с патрулем, стерегущим восточную сторону стены, и повернули обратно. Когда они снова прошли мимо человека в тени, он закончил счет. Тридцать вдохов и тридцать выдохов. «Этого времени хватит», – решил человек. Белые плащи стражи еще явственно мерцали во тьме, когда человек вышагнул из тени и прыгнул высоко вверх – на отвесную стену королевской башни. Птица не смогла бы найти щели для своих когтей, чтобы зацепиться за стену, но человек уверенно полз вперед и вверх туда, где колыхались на ночном ветру шелковые занавеси окна королевской опочивальни.

У человека не было имени. Он не знал своих родителей, своей родины и своего возраста. Он не знал даже – мужчина он или женщина. Когда чернолицые взяли его к себе, он был настолько мал, что не понимал ничего из всех явлений мира, кроме голода и холода. В тот же день, когда его поднесли под огненный взгляд Отца, над ним был проведен обряд посвящения: ему отсекли гениталии и предали его душу Великому Чернолицему. Когда он стал осознавать себя, он уже был чернолицым. Его принялись учить, как только он стал ходить. К тому времени как он постиг половину из всех искусств, которым его обучали, ему начали втирать в зубы и десна пепел драконьих рогов, а в глаза капать ядовитый отвар из желчи василиска – и его зубы навсегда стали черными и крепкими, как камень; белки его глаз потемнели, а зрение приобрело кошачью остроту. Когда в положенный природой срок его тело перестало расти, его уже нечему было обучать. Он мог двигаться бесшумно, словно ветер, плыть под водой, задерживая дыхание на столько, на сколько было нужно. Мог карабкаться по скалам, даже если были они гладкими, точно зеркало. В пустой комнате мог спрятаться так, что никто не сумел бы его найти – ибо в мире есть свет, созданный Неизъяснимым, а там, где есть свет, есть и тень. Он мог убивать голыми руками и владел всем оружием, какое только порождал человеческий разум, но лучше всего владел *мицу*, излюбленным оружием чернолицых – перчаткой с четырьмя тонкими ножами, прячущимися меж пальцев. Когда он перестал расти, его тело начали покрывать сплошной черной татуировкой. Для того чтобы на его теле не осталось ни одного светлого пятнышка, понадобилось довольно много времени. Это должно быть больно, но он давно забыл, что это за чувство – боль. И с нетерпением дожидался того времени, когда работа будет закончена, кожа заживет и он наконец сможет служить своему Хозяину.

И однажды этот день настал.

Мало кто знал, где находятся храмы чернолицых, но сами чернолицые жили среди людей. Они никогда не сеяли хлеб, не собирали плодов, не охотились, не занимались торговлей и не участвовали в войнах. Тем не менее золота у них было в достатке. «Отец щедро одаривает своих детей», – сказали бы чернолицые, если б среди торговцев, с которыми чаще всего общался кочевой народ, нашелся кто-нибудь, решивший спросить: как же так получается, что кошельки чернолицых всегда полны золотых монет чеканки какого угодно государства? Но

таких вопросов чернолицым никто никогда не задавал. И вовсе не по той причине, что сам вид этих людей внушал ужас. Просто все знали, откуда текут в кошели чернолицым золотые реки...

Дети Ибаса, народ чернолицых, был братством наемных убийц.

... Человек полз по отвесной стене королевской башни. Он полз быстро, хоть и не спешил, так как точно рассчитал время, когда стражи в очередной раз вернутся сюда. Он с легкостью и удовольствием убил бы всех стражей, могущих помешать ему, – как делал это много раз, – но сейчас ему нужна была лишь одна жизнь.

Он достиг окна и неслышно скользнул в опочивальню. Под узорчатым балдахином, согревая иссохшее от болезни и старости тело короля, лежали две наложницы. Они не спали – им предписывалось под страхом смерти бодрствовать и слушать дыхание короля, но чернолицый легко и незаметно усыпил обеих молниеносным наложением рук на яремные вены. Они очнулись через час, уверенные в том, что все время находились в сознании. Чернолицый стиснул два пальца на горле короля – сильно, но аккуратно, потому что никаких следов на морщинистой обвислой коже остаться не должно. Когда жизнь замерла в теле старика, он раскрыл ему мертвый беззубый рот и вынул из поясной сумки крохотный горшочек. Откупорив запечатанное глиной горлышко, чернолицый осторожно влил в королевский рот нечто вязкое и темное, похожее на жидкую грязь. Потом сомкнул королю челюсти и помассировал безвольную плоть горла – чтобы субстанция из горшочка прошла как можно дальше по пищеводу. Постоял неподвижно, безучастно наблюдая. Ему осталось только убедиться, что все получилось, как нужно.

Изменения пришли довольно быстро. Острый кадык на мертвом горле задвигался, по телу прошли судороги – и вдруг король открыл глаза. Убийца заглянул в них и удовлетворенно кивнул сам себе. В глазах короля тускло мерцал разум. Но жизни в том разуме не было – лишь натужная осмысленность...

Чернолицый выглянул в окно. Небесная чернота уже мутнела, готовясь рассеяться. До наступления утра оставалось два часа с небольшим. Чернолицый, который не забывал следить за временем, чтобы на обратном пути не попасться на глаза страже, выскользнул из окна королевской опочивальни.

Все сделано в точности.

Скоро тело венценосного мертвеца окоченеет, но до этого опочивальню посетят придворные лекари, чтобы, как обычно, проверить состояние больного. Тогда и должно произойти то, для чего чернолицый был послан этой ночью в королевский дворец.

Так оно и случилось. Утром, когда в королевскую опочивальню пришли лекари, Идж-Наден растянул костенеющие губы и произнес несколько слов: хрипло и монотонно, словно говорил не он сам, а кто-то, сидящий в его голове. Из тех слов оцепеневшие лекари поняли, что последняя воля умирающего короля такова: вовсе не принц Алихан будет владычествовать над Орабией. Не принц Алихан, а сын брата короля Идж-Надена – Сансан.

К вечеру этого же дня тело старого короля совершенно окоченело. Но еще долго мертвые стеклянные глаза Идж-Надена упрямо паялились в потолок, а из криво растянутого рта, будто полудохлый ручеек из-под тяжелого камня, лилась едва слышная речь, в которой уже не было никакого смысла. К полуночи старый король затих навсегда.

Осмелиться нарушить последнюю волю любимого монарха никто не посмел. Через два дня Сансан в тронном зале дворца принял ятаган с черным алмазом на рукояти – знак королевской власти. А еще через три дня по странному стечению обстоятельств погиб, утонув в Озере Королей, сын покойного Идж-Надена – принц Алихан.

ГЛАВА 2

В этом мире не было королевства могущественней Гаэлона.

Пожалуй, только королевство Марборн, располагавшееся близ Гаэлона по ту сторону Скалистых гор, могло осмелиться затеять спор – кто более могущественен? И по правде говоря, не раз затевало. Произошедший около двухсот лет назад последний такой спор (впрочем, как и все предыдущие) вылился в кровавую войну, завершившуюся полным поражением Марборна и жестоким разграблением его столицы – славного города Уиндрома. Правителям других крупных государств: далекой Восточной Орабии, западных Линдерштейна и Крафии и прочих королевств и княжеств помельче – на Севере и Юге – подобные глупости в голову никогда не приходили. Разве волкам и лисам может когда-нибудь взбрести на ум напасть на медведя, грозного властелина леса?

Тишина и спокойствие царят во всем мире в эти благословенные времена, и обитатели его забыли про вражду. Лишь изредка налетит на какой-нибудь мелкий поселок одичалая от голода орда огров, да загрызут пару одиноких охотников болотные тролли. Так ведь то ж неразумные создания, полузвери... Те, в ком божественная искра разума сильнее первобытных инстинктов, давно привыкли дружить со своими соседями. Ну, если не дружить, так терпеть. А если не терпеть, то – сторониться.

Вот поэтому вряд ли кто-то удивился бы, увидев, как по одной из проезжих дорог Гаэлона шагает путник: одинокий и безоружный, с большим тюком за плечами. Путник выглядел совсем молодым, но несколько упавших на лицо длинных прядей его были абсолютно седыми. Кроме этой странности, пожалуй, ничего приметного в облике путника найти было нельзя.

День уже перевалил за половину.

Судя по запыленной одежде, путник шел издалека, по ровному дыханию и мерным шагам можно было сказать, что ходить на дальние расстояния он привык. Когда по обочинам дороги все чаще стали попадаться крестьянские хижины, стоящие меж ухоженных полей, путника догнала телега, запряженная здоровенным битюгом.

Телега, не отягощенная ничем, кроме троих седоков, бежала резво. Правил ею гном в потрепанных одеждах, с всклокоченной бородой и опухшим, видимо, от пьянства, зверским лицом, покрытым шрамами. Позади него, то и дело прикладываясь к большому кувшину, сидели двое людей: широкоплечий детина в рваной рубахе и коротких штанах и длинноволосый испитой хлыщ, меланхолически наигрывающий на потертой лютне; проще говоря, компания, путешествующая на телеге, ни с первого, ни со второго, ни с какого другого взгляда доверия не внушала.

Обогнав путника на несколько шагов, телега вдруг сбавила ход, и длинноволосый, перекинувшись парой слов со своими товарищами, надтреснутым звенящим голосом крикнул:

– Эй, дружище! Давай к нам, чего ноги зря сбивать!

Парень с удовольствием переложил свою поклажу на телегу и легко запрыгнул следом. Гном, на секунду обернувшись, мгновенно и цепко оглядел нового седока и, чмокнув губами, хлестнул битюга кнутом.

– Спасибо, – проговорил путник. – Мой путь неблизок, и я, честно говоря, уже начал уставать.

– Оно что ж... ага... – невнятно пробормотал верзила и протянул парню кувшин. – На, прополощи горло-то.

Тот отхлебнул глоток и с благодарным кивком вернул кувшин. Верзила передал его длинноволосому хлыщу. Хлыщ приложился к кувшину надолго; наконец оторвавшись, он утер губы рукавом и довольно рыгнул.

– Позвольте осведомиться, добрый господин, – начал хлыщ. – Коли уж мы были так добры, что усадили вас на эту колесницу, влекомую быстроногим скакуном, извольте сообщить, куда держите путь?

– В Дарбион, – ответил парень.

– Великодушно прошу простить меня за недостойное любопытство, но мои друзья изнывают от нетерпения узнать, какое дело ждет вас в славном городе Дарбионе?

– Я направляюсь в королевский дворец.

Троица переглянулась.

– Торговать изволите? – решил уточнить хлыщ.

– Я не торговец, – так же просто и кратко ответил путник.

– Вы, смею заметить, и не похожи на торговца, – тут же заверил длинноволосый. – Это меня, глуповатого, сбива с толку ваша поклажа. В подобных тюках торговый люд возит свои товары. А ежели вы утверждаете, что ваше ремесло вовсе не торговля, тогда я прямо-таки теряюсь в догадках: что там?

– Мое снаряжение.

Дальше разговор не клеился. Хлыщ явно озадачился и замолчал, собираясь с мыслями. Остальные тоже молчали, лишь переглядываясь. Должно быть, троица, до появления в телеге четвертого пассажира, беседовала о чем-то своем и сейчас, по какой-то причине, прерванного разговора продолжать не пожелала. Да и парень лишних вопросов не задавал – он был занят тем, что умело и старательно растирал свои уставшие ноги. По виду его никак нельзя было сказать, что он чем-то обеспокоен или встревожен; хотя вряд ли кто-то на его месте рискнул бы сесть в одну телегу с подобными подозрительными типами.

В прорехах лохмотьев широкоплечего детины виднелись давние шрамы и грубые татуировки, руки его были мускулисты, покрыты голубой сетью толстых вздувшихся вен, между тем на ладонях и пальцах не было и следа трудовых мозолей. Скорее всего, этот человек был или бродягой, или разбойником; или, как это чаще всего бывает, и тем, и другим одновременно. Длинноволосый, судя по привычке витиевато выражаться с целью произвести впечатление и по ловкости, с которой его пальцы перебирали струны, мог быть менестрелем – но менестрелем давно и безнадежно изгнанным из своего круга, не иначе как по причине пьянства и развившихся от этой привычки скверных наклонностей.

Если о роде занятий этих двоих мог догадаться и ребенок, то определить, как гном попал в эту компанию, было сложнее.

Маленький Народец – гномы – усердно добывали руду и ковали металл в подземных своих обиталищах, выходя на поверхность, только чтобы обменять мастерски исполненные произведения на то, что может предложить им человеческая цивилизация; из всех ее достижений отдавая, впрочем, безоговорочное предпочтение забористой кукурузной водке. Когда-то давным-давно гномы жили среди людей, участвовали в людских войнах, прославившись свирепостью и отвагой; случалось и такое, что брали в жены дочерей человеческих, но сейчас редко кто из Маленького Народца переступит порог жилища человека. Разве что в трактирах и кабаках дозволено бывать гномам. А вот носить при себе оружие – давно и строжайше запрещено. Это все после той, Великой Войны, прокатившейся кровавым колесом по древним королевствам сотни лет тому назад, когда не было еще и в помине ни королевства Марборн, ни даже Гаэлона; Великой Войны, когда восстал Высокий Народ – эльфы – в безумном желании истребить род человеческий, и некоторые из гномьих родов встали на сторону Высокого Народа, обратив свои топоры против людей... Маленький Народец – гномы – потомки тех, кто сражался с человеком, человеку покорились. Правда, кое-где поговаривают, что в своих подземных городах гномы куют оружие не только для воинов-людей, но и для себя и время от времени проводят между собой воинские турниры... да только как эти слухи проверить? Отыскать ходы в обиталища Маленького Народца не в силах человеческих...

Можно было только предположить, что этот гном предпочел общество людей обществу сородичей по причине совершенного им когда-то преступления, ибо все знали о том, что Маленький Народец для своих преступников давным-давно установил два вида высшей меры наказания: смертная казнь или вечное изгнание.

– Эх! – воскликнул вдруг менестрель, в очередной раз глотнув из кувшина. – Не потешить ли мне достопочтенную публику исполнением баллады? К примеру, о Рыжей Марте, а?

Услышав про Рыжую Марту, верзила довольно загоготал:

– Давай про Марту!

А путник, чуть улыбнувшись вроде как самому себе, какому-то своему воспоминанию, качнул головой.

– Я впервые в этих краях, – сказал он. – Если тебя не затруднит, не мог бы ты спеть что-нибудь о великом королевстве Гаэлон?

– Добрый господин – иностранец? – сразу заинтересовался длинноволосый.

– Нет, но я был рожден на самой окраине королевства, в глухом месте, куда редко доходят новости из большого мира.

Верзила пренебрежительно скривился. Но менестрель тряхнул сальной гривой и ударил по струнам.

– О великом королевстве так о великом королевстве, – проговорил он под струнный звон. – Только уж, добрый господин, за труды мои расстарайся поставить нам в ближайшей таверне кувшин-другой доброго вина.

– Два! – тут же вставил верзила.

– С удовольствием, – ответил парень.

И менестрель запел. Поначалу пел он баллады о ныне здравствующих рыцарях, владельцах здешних земель, герцогах, графах и баронах, об их сражениях с великанами, могущественными колдунами и повергающими смертных в ужас демонами Темного Мира; то есть те баллады, сложенные на заказ, которые чаще все исполнялись по кабакам и постоялым дворам, баллады, в которых кроме льстивой выдумки не было ничего. И парень слушал менестреля, рассеянно улыбаясь. Тогда длинноволосый, видя, что путнику подобный репертуар явно не нравится, сменил тему. Чтобы привлечь внимание слушателя, он двинул, очевидно, свой главный козырь: древнюю балладу о Великой Войне, исполнявшуюся по всем окрестным королевствам практически одинаково.

Пройдоха-менестрель угадал. Глаза парня вспыхнули интересом, когда он слушал о том, как в давние-давние времена эльфы, будто все разом сойдя с ума, ни с того ни с сего вдруг ополчились против человечества. Как мощная магия Высокого Народа сокрушала попытки магической обороны людей, как серебряные волки эльфийской кавалерии сминали конных воинов, как лучники верхом на горгульях уничтожали целые армии, как белый небесный огонь, низвергнутый на землю магией эльфов, сжигал города... И о том, как горстка выживших людей, запертая в крепости, названной Цитаделью Надежды, сумела-таки выстоять против штурмовавшего ее с земли и воздуха врага – выстоять и погнать прочь армады Высокого Народа. Сочиненные невесть когда и невесть кем строки повествовали о водопадах крови и горах трупов – цене, которую заплатили люди за победу в этой войне. И об изгнании эльфов из мира людей в Тайные Лесные Чертоги, и о многих веках ненависти – о том, что получили эльфы в наказание за вероломный, бессмысленный и жестокий мятеж...

Завершив длинную балладу, менестрель схватил кувшин и, выпучив глаза, присосался к нему.

Путник сморгнул и в задумчивости провел ладонью по лицу.

– Короток отпущенный человеку век, а Высокий Народ живет тысячи и тысячи лет, – тихо выговорил он, явно озвучивая не свои мысли, а чьи-то еще. – Люди почти забыли о страшной участи своих предков, а эльфы – вовсе не потомки коварных мятежников, а те самые, которые

на телах своих носят рубцы, полученные во время Великой Войны, – снова входят в их города. Правда, без оружия и с богатыми дарами, но, говорят, нет-нет да и уволокут с собой в Чертоги неугодных им...

Троица как один подняла головы, уставившись на парня. Во взгляде обернувшегося гнома парень без труда увидел искорки страха. Бородатый коротышка подстегнул битюга, и телега загромыхала по дороге быстрее.

«Видать, правду говорят о том, что Маленький Народец в своих пещерах знает больше, чем говорит, – подумал путник. – Недаром именно от гномов пришло еще одно название эльфов: *те-кто-смотрят...*»

– Чего это вы такое сказали, добрый господин? – недоуменно почесывая шевелюру, заговорил менестрель. – Эльфы вовсе не увлакивают неугодных, а они, это самое... забирают счастливица-избранного, которому в Чертогах уготована долгая-долгая жизнь, полная забав и наслаждений... Даже грудные дети это знают!

– Это сказал не я, – ответил парень. – Это сказал Магистр Скар. Вернее, не сказал, а написал в хрониках, которые я имел честь прочитать. Это не его мнение, это лишь изложение древних фактов, впрочем, так и не нашедших подтверждения. Магистр специально подчеркнул: ему неведома истина, как все происходило и происходит на самом деле – так, как сказал сейчас я, или так, как говорит большинство... Ну да ладно, – потряхнул он головой. – Насколько я понял, вы направляетесь в Дарбион?

– Ага, – откликнулся менестрель. – А разве мы об этом говорили? Хотя... эта дорога ведет напрямик туда и никуда больше. Эх... сейчас бы еще кувшинчик!

– Оно бы тады – да неплохо было бы! – заухал верзила и с сожалением потряс пустой кувшин.

– Обещаю купить, как только увидим, где это можно сделать, – сказал парень. – Чем ближе к Дарбиону, как я понимаю, тем вино дороже.

– Верно изволите говорить, добрый господин! – оживился менестрель. – Ах, какое я вино пил два месяца тому назад, когда из Горной Крепости прибыл сэр Эрл! И притом совсем задаром пил! Вот уж был праздник так праздник!

– Надо думать, хорошее вино досталось знати, – заметил путник. – Неужели простолюдинам выставили дорогое угощение?

– Заради такого праздника – выставили! – подал голос верзила и, видимо вспомнив вкус дармового вина, даже зачмокал и зажмурился.

– За городскую стену выкатили шесть по шесть бочек, – уже рассказывал менестрель. – Это чтобы народ приветствовал кавалькаду из Горной Крепости Порога еще на подъезде к городу. Ну и чтоб давки не было. А какая была кавалькада! Впереди скакали полсотни рыцарей в сверкающих доспехах, с развевающимися по ветру плюмажами, за ними, приотстав на десяток-другой шагов, – сам сэр Эрл! На самом высоком скакуне! В полном боевом облачении! И плюмаж у него был выше всех! И мечом он во все стороны: раз-раз! Салютовал! А следом за сэром Эрлом на шести подводах везли головы убитых им драконов! Я такого зрелища ввек не забуду! И такого количества вина тоже...

– А я ничего толком не помню, да, воно как, – простодушно признался широкоплечий. – Только первые восемь кружек, ага...

– Видно, сэр Эрл – великий воин, – проговорил путник.

– Самый великий из всех, кто был, есть и будет! – с жаром заявил менестрель. – Он же, добрый господин, извольте знать, рыцарь Порога! Настоящий рыцарь Порога! Он в одиночку на драконов выходит! А вы хоть раз видели дракона? Ну, не живого, конечно, а... его отрубленную башку хотя бы? Размером она... – Менестрель покрутил головой в поисках предмета для сравнения и, не найдя подходящего, закончил: – Размером с дом в два этажа! А вы хоть знаете, что такое Порог?

– Я знаю! – важно заявил верзила. – Это оно так... Это такое место, где мир... ну, трескается, вот как... кувшин, например. Такой Порог в Скалистых горах есть. Через трещину драконы лезут, а Горная Крепость и рыцари Порога, которые там сидят... не пушают их к людям. И сильнее тех рыцарей никого в мире нет. Так? – обернулся он к менестрелю.

– Так, да не так, – сказал тот. – Есть не один Порог, а два. Еще один на берегу Вьюжного моря находится. Там Северная Крепость Порога стоит. И через эту... трещину... не драконы лезут, а... другие какие-то твари. Говорят, они даже страшнее драконов!

– Брешут! – уверенно сказал верзила. – Какие твари могут быть страшнее драконов? Да и нет никакого Северного Порога. Сказки все это.

– Нет? – прищурился менестрель.

– Нет!

– И как это нет, если я своими глазами рыцарей Северного Порога видел? И своими... своей кружкой с ними чокался? И пил пиво с ними своими... своим ртом! Ты-то в это время в Гарлаксе торговцев да менял гра... охранял, то есть, по найму. Да, – повернулся он к парню. – Недели три назад в Дарбион прибыли рыцари из Северной Крепости Порога. Они, конечно, вояки те еще – здоровенные быки, все как на подбор, – один на моих глазах коняку за задние копыта поднял и встряхнул, будто тряпку, просто для забавы... Только до рыцарей Горной Крепости и сэра Эрла им далеко... Тот, он такой!.. – и, не в силах передать словами все величие рыцарей Горного Порога, менестрель нарисовал чумазыми руками в воздухе нечто замысловатое. – Благодородный господин! Истинный рыцарь!

– Можа и есть Северный Порог и Северная Крепость, – шмыгнул носом верзила, – тока я нипочем не поверю, чтоб нормальный рыцарь с тобой за один стол сел.

– Со мной? – возмутился менестрель. – Да ты знаешь, где я пел года... лет... ну, лет десять назад? Дело было так, добрый господин, – теперь он обращался исключительно к незнакомцу, игнорируя обидевшего его своей недоверчивостью верзилу. – По вам видно, вы нездешний, потому, наверно, еще не знаете, что его величество король Гаэллона Ганелон Милостивый повелел лучшим рыцарям Порога прибыть в Дарбион, дабы охранять принцессу Литию – дочь его величества, значит, – от всех напастей. Такой подарок сделал король дочери, когда ей шестнадцать лет исполнилось. По одному рыцарю от Крепости Порога! А каждый такой рыцарь целой армии стоит! Поистине королевский подарок! Вот сначала сэр Эрл прибыл, а потом приехал и... как его бишь... северного рыцаря зовут-то? Атар... Или Отор? А, неважно. Правда, особого праздника по поводу прибытия северян не было. Они пару дней во дворце пировали, а потом, нагрузившись припасами – потому как, говорят, на побережье Вьюжного моря с провизией туговато, – отбыли обратно. Не все, конечно; один во дворце остался, тот, который из них наилучший и принцессе в охрану предназначался. И не сразу отбыли. Еще целую ночь гуляли по городским кабакам, пока им подводы готовили. Один кабак разнесли, в другой пошли, а из другого в третий. Тут-то я им и встретился. Им как раз по-настоящему повеселиться захотелось – для чего музыка, дух поднимающая, и понадобилась...

Длинноволосый менестрель все трепался, то и дело хлопая незнакомца по плечу или дергая за рукав – вызывая все внимание на себя, а между тем впереди уже показались высокие городские башни. Гном нахлестывал битюга, и тот споро бежал мимо добротных домов богатых крестьянских селений: где-то среди них промелькнуло деревянное строение, означенное вывеской трактира, но телега не остановилась и даже не замедлила ход. Верзила, теперь замолчавший и посмурневший, вскидывал на парня быстрые взгляды исподлобья. Наконец, когда очередная деревня осталась позади, телега въехала на кривой мостик, переброшенный через узкую речушку, заросшую по берегам густой осокой и почти сплошь затянутую тиной. Гном остановил битюга. И менестрель моментально замолчал, отодвинувшись от парня.

– Ну-к что ж, ага, – заговорил верзила, вперяя в него угрюмый взгляд. – Мы, значит, тебе благо сотворили, а заплатит ты сам обещал. Мы люди бедные, у нас каждая кроха на счету.

– Конечно, заплачу, – спокойно ответил парень, – только поблизости я не вижу ни кабака, ни таверны, ни даже какого-нибудь человеческого жилища. Мы ведь вроде договаривались на два кувшина вина?

Менестрель захихикал, пряча, впрочем, глаза от прямого взгляда парня:

– За пение мое отблагодарить меня особо надо! Тут уж два кувшина маловато будет...

Поднялся и гном, поигрывая тяжелым кнутовищем.

– Ну, хорош, – хрипло выговорил детина. – Чего тут непонятного? Выворачивай карманы да вали с нашей телеги. А поклажа, само собой, с нами поедет. А будешь фордыбачить... – и он вытащил откуда-то из-за спины длинный нож с грубо вытесанной деревянной рукояткой, – дошло? Раз – и под тину...

Парень наклонился вперед, чуть приподнялся, словно для того, чтобы на самом деле достать кошелек. Широкоплечий оборванец настороженно следил за каждым его движением – устрашающего вида нож, вроде того, каким крестьяне обычно забивают домашнюю скотину, был приставлен к боку незнакомца. Что произошло в следующее мгновение, наверняка не понял никто из троицы. Парень коротко и быстро всплеснул обеими руками, одновременно неожиданно и как-то странно извернувшись всем телом – и верзила, жалобно вякнув, кувыркнулся с телеги спиной вперед и с шумом скатился по крутому берегу в заросли осоки.

Незнакомец стоял на телеге, выпрямившись в полный рост. Должно быть, он успел вскочить на ноги из неудобной для боя сидячей позы в самый момент удара. Менестрель взвизгнул и прижался к борту телеги, увидев в руках парня тот самый нож, который мгновение назад крепко держал верзила.

Гном, оскалившись, взмахнул кнутом – длинный плетеный ремень, словно язык гигантской змеи, со свистом обвился вокруг правой кисти незнакомца. Парень не стал даже перебрасывать нож в другую руку. Кажется, он так и продолжал глядеть на менестреля, и головы не повернув в сторону гнома. Он с силой поднял вверх захваченную руку и резко дернул на себя, одновременно обрубая ножом ремень, в результате чего гнома, не успевшего выпустить кнутовище, швырнуло из телеги в прибрежную осоку с другой стороны моста.

Незнакомец потряхнул правой рукой. Обрывки веревочного ремня и нож-свинокол упали на дно телеги. Этот стук и вывел обомлевшего менестреля из полубоморочного состояния.

– Добрый господин! – захрипел он, мотая от ужаса патлатой головой и силясь влезть на борт телеги, но все оскальзываясь вспотевшими ладонями; в выпученных его глазах отразилась бешено работающая мысль. – Добрый господин! Поелику существо я невинное и незащищенное, этими злыми разбойниками коварно плененное... выражаю вам горячую благодарность за освобождение...

Путник сунул руку за пояс.

Менестрель, которого осенила вдруг полубезумная мысль: что этот странный человек собирается расправиться с ним каким-нибудь чудовищно-изошренным способом, для коего недостаточно простого ножа, а нужно особо изуверское оружие, – взвизгнул и взлетел-таки на борт телеги, словно перепуганная клушка на плетень.

– Добрый господин! – завизжал он. – Меня нельзя убивать! Знаете, какие люди в Дарбионе меня ждут?! Слыхали о Карфе и Грисе из Ночного Братства? Они... ого-го! Они за меня полкоролевства перережут и передуют, они... И не только они! Знаете, какой я важный человек, добрый господин?! Меня нельзя убивать!..

Незнакомец выпростал руку и протянул менестрелю открытую ладонь, на которой в лучах клонившегося к закату солнца тускло поблескивала медная монетка.

– Мне понравилось, как ты спел балладу о Великой Войне, – сказал он. И, поскольку менестрель не осмелился принять монету, бросил ее ему на колени.

Затем спрыгнул с телеги, взвалил на плечи свой тюк и зашагал по мосту – в сторону золотящихся под красным закатным небом башен Дарбиона.

* * *

Посреди лесистых равнин Гаэлона, словно сердце, толкающее золотую кровь по венам торговых дорог, раскинулся огромный город Дарбион. Высокая стена окружала Дарбион, и говорили дарбионцы: если бы кто-то вздумал опоясать город по стене ремнем толщиной в палец младенца, пришлось бы на кожу для этого ремня забить коров в округе на полдня пути во всех четырех направлениях. В центре Дарбиона высился королевский дворец, построенный еще в те времена, когда самого города не было и в помине. И с тех самых пор, как древние неведомые мастера воздвигли этот дворец, не сотворили человеческие руки ничего, что могло бы с ним сравниться. Острые зубцы дворцовой стены покрывала особая позолота: днем она сияла желтым пламенем, а ночью, впитавшая солнечное тепло, мерцала призрачным светом – будто на стенах дворца кто-то расставил и зажег гигантские свечи. Девятнадцать башен поднимались к небу так высоко, что пронзали облака. Серебряные колокола, укрепленные на шпилях сотни лет назад, наполняли дворец нежным, едва слышным звоном, а оттого, что верхушки башен никогда не показывались из-за облаков, казалось, будто сладкозвучно звенит само небо. Придворные стражники, которым было доверено чистить небесные колокола, клялись, что там, наверху, башни раскачивались из стороны в сторону, словно колосья на ветру. Мало кто им верил, потому что подножия башен были массивны и нерушимы – за долгие годы ни один камень в них не пустил и самой малой трещинки.

Даже зубаны, вездесущие крылатые твари, похожие на крупных оперенных крыс – неведомо откуда свалившаяся на Гаэлон и окрестные королевства напасть, – не смели подлетать близко к дворцу; зубанов пугал небесный золотой перезвон.

Центральные улицы Дарбиона поражали своей шириной – на самой большой свободно могли разехаться пятеро конников. Правда, блистающие чистотой днем и ярко освещенные в сумерках, улицы эти имели обыкновение разветвляться узкими и темными переулками – как от толстого древесного сука разбегается тонкая поросль. И если по широким улицам, где величаво шествовали, погромыхая алебардами, городские стражники, можно было спокойно ходить и днем и ночью, то в извилистых переулочках случайному прохожему лучше было не появляться.

В таком переулке, находившемся, может быть, в каких-то двух сотнях шагов от стен королевского дворца, и располагался кабак, носивший громкое название «Серебряный лев», а завсегдатаями давным-давно переименованный в «Тошниловку». Каковое название, кстати говоря, в полной мере соответствовало качеству предлагаемых здесь напитков.

* * *

В эту ночь, как, впрочем, и во все остальные, «Тошниловка» громыкала разудалым весельем. Грязное и продымленное помещение, где под низким потолком раскорячилось с полдюжину криво сбитых столов и десяток колченогих лавчонок, было заполнено разношерстным сбродом. Нищие, смывшие с рож фальшивые язвы и бельма, орали песни и бодро хлопали о залитые вином столики серебряными монетами, извлекая их из-под донельзя засаленных лохмотьев; местные воры-карманники, сменившие неприметную одежку на нелепые роскошные наряды, важно потягивали из глиняных кружек крепкое пиво; здоровенные громилы – ночные грабители, – то ли готовясь к очередной вылазке, то ли празднуя уже совершенное удачное дело, глотали вонючую ячменную водку, что-то увлеченно обсуждая между собой и время от времени бросая по сторонам профессионально волчьи взгляды. А в дальнем углу, подальше от света, но за столом крепким и даже покрытым скатертью, сидели совсем уж темные типы: завернутый в донельзя изношенную хламиду старик громадного роста и двое совсем молодых

парней, одетых неожиданно богато и даже вычурно – словно пребывающие в фаворе придворные.

Старика звали Хаба. Четверть века назад он был известен под другим именем, и имя это гремело далеко за пределами Дарбиона. В то время не было разбойника храбрее, хитрее и беспощаднее его. Говорили, что на пике своей славы он в одиночку останавливал торговые караваны и, даже не обнажая меча, при помощи лишь грозной славы собственного имени повергал в дорожную пыль толстозадых купцов, а их вооруженную охрану – в позорное бегство... Впрочем, при всем своем устрашающем могуществе он не забывал платить полагающуюся подать как почтенным членам Ночного Братства Дарбиона, так и городской страже, которая все его подвиги записывала на счет менее щедрых и удачливых головорезов. Поэтому, когда слухи о его бесчинствах достигли-таки ушей короля, когда в один из его схронов вломились королевские гвардейцы и он был надежно упрятан в самый далекий и темный подвал дворцовой тюрьмы – и в том подвале все же замерцал ему слабый лучик надежды.

Два вида оружия традиционно использовало Ночное Братство – ножи и золото. И если воровские клинки непременно обломались бы о каменные стены королевской темницы, то звонкая монета с убийственной точностью поразила намеченные цели. Знаменитого разбойника, конечно, казнили: при большом стечении народа, на Площади Плах, грохочущим весенним утром, когда солнце яростно кипело в витражах дворцовых окон, его, обряженного в белый балахон с черным глухим мешком на голове, привязали тяжелыми цепями к столбу и сожгли на медленном огне. А на второй день после этого события в трущобах Дарбиона появился некто по имени Хаба. И трудно же было узнать в Хабе того лихого молодца, что вскрывал купеческие дома легко и небрежно, будто бывалый пьяница заткнутые щепками узкогорлые кувшины с дрянным вином; того, от чьего взгляда трепетали суровые наемники, не один год ходившие с торговыми караванами по всему необъятному Гаэлону; того, кто убивал за мимолетный неосторожный взгляд и за ночь пропивал с друзьями столько, сколько другому хватило бы на целую жизнь. Всего-то несколько месяцев, проведенных в луже гнилой воды на дне стылого каменного мешка, согнули когда-то статного и высокого мужчину, пытки и побои изуродовали лицо и сломили гордый и неукротимый прежде нрав. И уже никто не видел в руках Хабы ножа или меча, а только стакан с ячменной водкой или кружку с кислым пивом. Даже от кабацких драк – излюбленной забавы любого вора – он предпочитал держаться в стороне, вечно угрюмый, ненавидящий всех и вся. И хотя истинное имя его с течением времени забылось, но легенды еще жили. Именно поэтому в любом кабаке или трактире, на входной двери которого был нацарапан тайный знак Ночного Братства, всегда ждал Хабу стол и кров.

Шикарно разряженных парней, сидевших рядом с Хабой, звали Карфа и Грис. В смрадном нутре «Тошниловки» они выглядели парой золотых жуков, увязших в навозной куче. Карфа, чья завитая и обильно смоченная благовонным маслом голова сидела в кружевном воротнике, словно лягушка в сметане, при каждом движении позвякивал, будто закованный узник – столько было на нем повешено золотых цепочек, цепей и цепищ, амулетов, пуговиц размером с суповую миску, пришитых в самых неожиданных местах, и прочих безделушек. А бархатный камзол Гриса был украшен, помимо драгоценной сбруи, еще и жирными пятнами самых разных цветов и размеров. К тому же лишних пуговиц (Грис явно питал к ним горячее пристрастие) на нем уместилось гораздо больше, чем у его соседа, потому что парень, в отличие от сухопарого Карфы, телосложением напоминал беременную медведицу.

Несмотря на свою молодость, Грис и Карфа являлись далеко не последними людьми в Братстве и высокого этого положения достигли благодаря вовсе не изворотливой смелости и ловкости в подлом ночном бою. Видно, тот самый легендарный душегуб, сожженный четверть века назад на Площади Плах, был последним представителем своего времени. Теперь уж в чести у Братства были не отчаянная удаля и беспощадная сила, а холодный рассудок и неукротимая наглость.

Неизвестно, кому из этих двоих – Карфе или Грису – первому влетела в голову такая удивительная и на первый взгляд сумасшедшая мысль: чем ныкаться по засадам в темных переулках или в густых придорожных кустах и рисковать жизнями в молниеносных стычках, куда как удобнее, чтобы торговцы своими же руками и совершенно добровольно отдавали Братьям товары и золото-серебро. Но еще более удивительным было то, что эта безумная идея... начала работать – и причем довольно быстро. Поворотливые купеческие умы быстро смикитили, что гораздо выгоднее каждый месяц отваливать представителям Ночного Братства определенную сумму – хоть и немалую, но зато позволяющую безо всякой опаски за жизнь собственную и жизни своих близких передвигаться и вести торговые дела на доброй трети громадного Дарбиона и на некоторых окрестных дорогах. Правда, только в светлое время суток. Под воровским прищуром луны Ночное Братство по-прежнему безраздельно властвовало в Дарбионе...

Как раз тогда, когда с треском распахнулась дверь «Тошниловки», впуская очередного посетителя, за дальним столом у представителей старого и нового поколения Ночного Братства Дарбиона мало-помалу разгорался принципиальный спор о чести и достоинстве уважающего себя рыцаря глухих дорог и темных переулков.

– Где оно видано, – с ненавистью хрипел Хаба, – чтоб честный душегуб в надушенных тряпочках щеголял, да еще всякими висюльками себя обвешивал, как баба? Одно дело здесь, перед своими похвастаться, а другое – при народе... Да по энтим висюлькам его каждая собака узнает... носа потом никуда не высунешь... Честный вор так должен одеваться, чтоб на нем глаза не за что зацепиться было, чтоб... Ух вы!..

Недоговорив, Хаба злобно сопанул носом и заскрежетал зубами. Пожалуй, он один во всем кабаке не оглянулся на того, кто вошел. Все остальные посетители «Тошниловки» мгновенно и тщательно ошупали незнакомца взглядами. Уж очень не похож он был на тех, кто привык коротать ночь в подобных заведениях. Это был здоровенный парень, облаченный в добротные кожаные доспехи. Длинные белые волосы, заплетенные в две толстые косы, выдавали в нем уроженца Севера, а жидкая борода, похожая на клочок паутины, приставший к подбородку, говорила о том, что парню вряд ли больше девятнадцати лет. Устрашающего вида двуручный меч с обмотанной тряпками рукоятью покоился в его наспинной перевязи, на широком ремне висело несколько метательных ножей, палица с короткой рукоятью, пара странного вида крюков, моток веревки и множество изогнутых железяк непонятного предназначения. На ногах парня красовались меховые унты, снабженные стальными шипами на подошвах, такими прочными и острыми, что оставляли на деревянном полу внушительные зазубрины. Войдя, парень прямо направился к центральному столу, стоящему посреди желтого светового пятна от потолочной люстры, в качестве которой в «Тошниловке» использовалось тележное колесо с укрепленными на осях и спицах большими сальными свечами. Движением руки, каким обычно убирают не стоящий внимания мусор, северянин смахнул со скамьи пару уснувших забулдыг, плюхнулся на стол и ловким щелчком бросил ковылявшему мимо него служке серебряную монету.

Схватив монету, как голодная чайка хватает неосторожно сверкнувшую над водной поверхностью рыбку, служка моментально оживился...

– Совсем Братство обмелело, – продолжал гудеть над своей кружкой Хаба. – Да на себя гляньте! Я, бывало, десятерых раскидывал голыми руками, да из энтых десятерых только пятеро на своих ногах удирали. А вы? Тьфу, козел лягнет – пополам сломаетесь.

Карфа и Грис с ухмылками переглянулись. Свирепый тон старого головореза несколько их не испугал. Они прекрасно знали, что по-другому Хаба разговаривать попросту не умеет. Устрашающе хриплый голос и манера вести разговор, способная довести людей, неосведомленных об этой особенности душегуба, до обморока и непроизвольного мочеиспускания, – пожалуй, единственное, что осталось от того легендарного разбойника, когда-то наводившего ужас на весь город и его окрестности. А привычку при виде городской стражи или дворцо-

вых гвардейцев сгибаться в три погибели, моментально бледнеть и судорожно искать лазейку, чтобы удрать да подальше, головорез приобрел уже в тюремных подвалах Дарбионского королевского дворца.

– Жизнь, знаете ли, любезный друг, прелюбопытнейшая штука, – высказался Карфа, поднимая глиняную кружку с обкусанными краями жестом, настолько преисполненным достоинства, что можно было подумать, будто он держит золотой, инкрустированный драгоценными камнями кубок, – теперь честному вору вовсе не требуется самому кинжалом размахивать. Теперь, у кого есть здесь... – он легонько пристукнул по лбу пальцем, – есть и здесь, – закончил он и предъявил ярко-красный тугой кошель из крашеной кожи, прошитой серебряными нитями. – Пусть дуболомы с тыквенной кашей в башках жизни на кон ставят. А мы, любезнейший, получаемся как бы – а-ри-сто-кра-ти-я, – последнее слово Карфа выговорил по слогам и с некоторым трудом.

Грис в знак согласия с озвученной сентенцией элегантно высморкался в полу своего красного бархатного плаща.

Хаба шумно пососал из кружки и вдруг зло расхохотался:

– Ишь ты, голубых кровей, значит! Смотрите, как бы вам энти кровя-то свои же и не повыпустили!..

Ни Грис, ни Карфа на последнее высказывание не отреагировали – в этот момент служка, из-за свисающих на лицо длинных волос очень походивший на грязного нечесаного пса, приволок им большой деревянный поднос с едой.

Качество блюд в «Тошниловке» примерно соответствовало качеству напитков. Поэтому Грис поскреб немного зубами поданную ему кабанью ляжку, твердую и шершавую, точно деревянный горбыль, а затем, отчаявшись откусить хотя бы маленький кусочек, сбросил ее на пол, прижал ногой, напрягся до красноты и только так сумел оторвать изрядный шмат.

Карфа глянул на товарища с укоризной и демонстративно расправил кружевной воротник, на котором уже красовалось преогромное лоснящееся пятно. Он-то сам откусивал толстые кровяные колбасы: рубил их, орудуя большим кинжалом, и отправлял в рот по кусочку, изящнейшим образом оттопыривая при этом украшенный массивным перстнем мизинец. Попадавшиеся ему на зуб клочки шкур, осколки костей и копыт и совсем посторонние предметы вроде щепок, камешков и крысиных коготков он деликатно сплевывал через стол.

– Чистоплюи вонючие! – понаблюдав немного за трапезой парней, презрительно высказался Хаба. – Золота много? Так его пропивать надо, проедать, да на девок изводить! Честный вор никогда не станет его в сундуки складывать, как купчишка какой-нибудь. Или вельможа. Уже с купчишками ручкается; небось скоро с вельможами дружбу водить станете? А потом?... Титулов себе закупите?... – Последняя мысль его так неприятно поразила, что он передернулся с ног до головы, словно его окатили ледяной водой.

– Может, и накупим, – согласился, гулко отрывая в аккуратно сложенную ладонь, Карфа, – а что такого-то, любезный друг? Завидки берут, что ли?

Грис, который успел сожрать свою порцию и теперь сыто икал и ковырял костью в ухе, с готовностью подгыгнул другу. Он вообще был великий молчун и с окружающим миром общался по большей части посредством нечленораздельных звуков, а требования и просьбы оформлял при помощи тумачков.

– Не завидки! – глухо взревел Хаба. – Не завидки! А... Честный вор к этой погани... к этим... которые на золоченых креслах сидят да с золота-серебра жрут-пьют, ничего, кроме презрения великого, не должен чувствовать. Харкать он на них должен соплями зелеными! Вот так харкать! Вот так! И на вас, прихлебаев сраных! Вот так! Вот так!

И взбесившийся Хаба тут же показал, как именно и какими такими зелеными соплями должен харкать на власть имущих всякий честный вор. Карфа и Грис переглянулись. Если Грис еще только непонимающе насупился, отвесив мокрые губы, то Карфа уже почувствовал вполне

определенную обиду. Да и кто бы на его месте не почувствовал? Этот замшелый кусок дерьма, только и живущий за счет Братства, кормится за их столом да еще смеет голос повышать?!

– Королевскими псами хотите стать? – отплевавшись, хрипнул старик. – У-у, гниды... я бы вас... Потроха выпущу! И самих же жрать заставлю.

Грис, до которого наконец дошло, что его оскорбили, возмущенно икнул и стал подниматься со скамьи.

– Сядь, любезный друг, – зловеще выговорил Карфа и ткнул Грису локтем в бок. – Сядь, не отсвечивай своей тушей. Неподобаает таким, как мы, господам оборачиваться на тявканье беззубых шавок...

Пока он говорил эти слова, из рукава его камзола выскользнул нож, и теперь Карфа, пряча руки под столом, лихорадочно соображал – пырнуть этого зловредного старикана немедленно или выждать до тех пор, пока он немного успокоится. Вдруг у Хабы еще не притупились окончательно его боевые навыки и он сумеет уйти от удара? А по неписаному закону Братства вор, подвергшийся нападению вора, имеет полное право ответить на удар, который не достиг цели, тогда, когда ему пожелается. А Карфе вовсе не хотелось получить в гомонящей толпе стальную иглу в бок... Или чтобы на него сверзился с крыши камень... Или помереть от глотка отравленного вина... Или... Кто угадает, какие еще способы подлого убийства хранятся в нечесаной вшивой башке этого старика? Чего он так взбесился вообще? Сам на себя не похож. Видать, здорово насолили ему королевские приспешники, если старая рана кровоточит до сих пор...

– Беззубая шавка... – просипел тем временем Хаба, медленно багровея, – это, значит, я – беззубая шавка?..

Толстостенная глиняная кружка треснула в громадном кулаке старика, и мутное вино хлынуло на стол. Из-под косматых бровей плеснул в лицо Карфе взгляд такой устрашающей силы, что последний почувствовал холод в желудке, а рука его, сжимающая нож, обмякла.

Кто знает, может быть, в эту ночь снова ожила бы давняя легенда о жутком душегубе – но тут случилось нечто совершенно неожиданное. За спиной Хабы внезапно и бесшумно выросла громоздкая фигура. Грис и Карфа пооткрывали рты. Давешний северянин, уперев руки в бока, глянул на старого разбойника сверху вниз и спокойно произнес:

– Я б тебя, старая ты гадина, в землю вколотил бы по маковку за такие слова, но в тех краях, откуда я родом, с малолетства учат, что воину не след трогать детей, женщин и немощных стариков. Поэтому даю тебе шанс попросить прощения за поганые свои слова, пока не запихнул их тебе обратно в глотку и не протолкнул грязной метлой до самых потрохов! – произнес эту тираду на едином выдохе, парень для пущей убедительности указал на стоящую у двери кабака куцую метелку, рядом с которой, пуская нечистым носом пузыри, храпел какой-то подгулявший оборванец.

В кабаке молниеносно установилась полная тишина. Десятки глаз со всех сторон впились в окаменевшего старика Хабу. Ибо неписанный кодекс Ночного Братства гласил – всякий вор должен сам держать за себя ответ, поэтому вмешиваться в дела другого, будь он тебе даже наилучшим другом, было строжайше запрещено. Однако кинься сейчас Хаба на обидчика, его поддержала бы вся «Тошниловка». Потому что такой неопикуемой наглости на своей территории никто из Братьев, конечно, не вытерпел бы. Но Хаба, минуту назад разъяренный до крайности, неловко задрал голову, обернулся на возвышавшегося над ним незнакомца – и вдруг страшно побледнел. Втянул в плечи свою косматую башку и, съежившись в трясущийся уродливый ком, что-то невнятно пробормотал.

Северянин нахмурился, открыл рот, видимо для того, чтобы потребовать от стушевавшегося бандита более членораздельного высказывания, но тут его внимание привлекла Рыжая Магда, которая, покачивая налитыми бедрами, проследовала с кувшином пива к его столику. Пухлые молодые губы парня дрогнули и разжались, проговорив:

– Смотри у меня, вонючая плесень, – он пнул напоследок лавку, где тряся в непонятном пароксизме ужаса Хаба, и удалился.

Мало-помалу многоголосый шум в кабаке снова потек к черному потолку и сгустился, будто смрадный дым. На совершенно уничтоженного Хабу никто уже не смотрел, точно его и не было здесь, точно он давно провалился сквозь грязный пол; а вот в сторону нахального чужака то и дело летели потаенные взгляды, в которых мутно мешались злость и угроза.

Но парень, казалось, не замечал этих взглядов. Вернувшись за свой столик, он первым делом завладел кувшином с пивом, принесенным Магдой, а немедленно после этого – и самой Магдой. Разместив рыжую служанку на коленях, северянин в несколько длинных глотков осушил кувшин и, преисполнившись вследствие этой процедуры крайней бодрости духа, вплотную занялся девушкой. Магда, никогда не отличавшаяся целомудрием, тем не менее визгливо протестовала против пощипываний, похлопываний и прочих немудреных знаков внимания, щедро оказываемых ей парнем, в результате чего на помощь к ней прибыл летучий отряд в составе Колченогой Зары и Нады Кривой, вооруженных двумя кувшинами пива. Только отбить товарку у врага отряд не сумел, а вышло даже наоборот: беловолосый и Зару, и Наду, и пиво захватил в плен. Непонятно, что больше подействовало на служанок: могучие плечи северянина, молодая свежесть его лица или тугая наполненность кошель, в которой среди меди и серебра горделиво поблескивали и золотые монетки, – но, рассевшись за столом, девушки довольно скоро оставили попытки спастись бегством. Зато затеяли громогласную склоку по поводу того, кому из них достанется насиженное Магдой место после того, как глупое хихиканье Рыжей окончательно надоест парню.

Лохматый служка, вынужденный теперь разносить заказы в одиночестве, сбивался с ног, но поспеть к каждому столику не успевал, о чем ему постоянно напоминали руганью и тычками. Но – вот интересно – никто из находившихся в ту ночь в «Серебряном льве» не посмел вслух высказать свое неудовольствие верзиле-незнакомцу, нахально узурпировавшему три четверти здешнего обслуживающего персонала. Воры теперь словно не видели северянина. Будто инцидент с Хабой установил парня на особую ступень неприкосновенности, даровал ему право беспрепятственно творить в кабаке все, что вздумается. И угрожающие взгляды скоро угасли. Хотя... возможно, такое отношение было просто следствием традиционного для Ночного Братства профессионального коварства. Братья – они такие... Улыбаются в лицо, славословят до сахарного привкуса на губах собеседника, а через миг этот самый собеседник, не успев стереть с лица довольную ухмылку, валится наземь, безуспешно пытаясь вытащить холодеющими руками ловко загнанный между ребер нож...

Грис, закончив клацать зубами по обглоданной до блеска кости, повертел ее в руках и, не найдя лучшего применения, с грозным рыком швырнул ее в пробежавшего мимо служку. На нормальном человеческом языке это должно было означать: «Эй ты, быстро давай сюда пожрать и выпить!» В «Тошниловке» давно привыкли к манере общения пузатого молчуна, поэтому служка незамедлительно сменил курс, решив, должно быть, что вино и колбасы, которые он тащил громилам, сидевшим у противоположной стены, Грису нужнее.

Когда служка опустил деревянный поднос на стол, Карфа брезгливо ухватил его за сальную прядь двумя пальцами и прошептал на ухо несколько слов. Служка кивнул и исчез.

– Да, любезный друг, – откупоривая бутылку, сказал Грису Карфа, – сердце рыдает, когда видишь такое неуважение к Братству. Ночь – наше время, и кабаки – наш дом. Тебе понравится, если какой-нибудь гад ввалится в твой дом, наследит всюду грязными сапожищами, облапает жену и... – он бросил мимолетный взгляд на все еще тихо вздрагивающего Хабу и закончил: – И пнет твою собачонку?

Грис, который в этот момент забил в пасть сразу несколько колбас и безуспешно пытался впихнуть между ними горлышко бутылки, не мог ответить, даже если бы и захотел. Он только энергично потряс головой и ударил друг о друга толстые кулаки.

– И мне бы не понравилось, – заключил Карфа. – Я думаю, что этого беспардонного и невоспитанного типа следует наказать. Здесь его, конечно, никто не тронет, но вот когда он, как следует накачавшись, выйдет на улицу... А уж то, что он накачается как следует, – яснее ясного. Девки постараются. Да он и без них славно справляется. Вон – пятый кувшин уже дует... Верно я говорю?

Грис снова утвердительно мотнул башкой и шлепнул кулаками.

И тут раздался голос с того света...

– Не надо, – едва слышно пролепетал мертвец, которого когда-то звали Хаба; мертвец, потому что вор, прилюдно подвергшийся оскорблению и не ответивший на это оскорбление достойно, считался *потерявшим лицо*. А следовательно, не было ему уже места среди других людей. И неписанный закон Ночного Братства уже не защищал его.

– Не надо... – пролепетал Хаба, – не надо его трогать...

– Сейчас кто-то что-то сказал? – с показным удивлением закрутил Карфа головой. – Или это ты, любезный друг, пустил ветры, что с тобой обыкновенно бывает после десятка-другого славных кровавых колбас?

Грис по достоинству оценил шутку товарища. Он заржал так, что непрожеванные ошметья колбасы полетели у него не только изо рта, но и из носа.

– Не надо, – повторил Хаба, – вы... не знаете... Молодые еще...

Как и полагается всякому мертвецу, Хаба теперь говорил голосом шелестящим и зыбким, точно шорох сухих листьев.

– Купчишек можете тормошить как хотите, – говорил мертвец Хаба, – лавочников резать ради забавы... Жрецам святость из брюха выпускать красной струей. На голодный зубок даже какая-нибудь рабочая скотинка пойдет. Но упаси вас святой Гарнак, покровитель воров, пьяниц и менестрелей, тронуть государева человека. Это я вам лучше других могу рассказать, потому что никто, кроме меня, и не расскажет... Жил я себе вольной птицей, делал, что хотелось, и никто мне не то что слова сказать – глянуть косо не смел. И тут попутал меня Харан Темный остановить на лесной дороге троих всадников. Рыцарь был один... И двое с ним. Как вышел я, показался – думал, тут же в пыль носами своими железными ткнутся, а они – нет, не того... Забрала опустили и, не слезая с коней, прямо на меня. Конями потоптать хотели, как гада ползучего. Ну, озверел я... А только потом узнал, что следом за этими тремя полсотни королевских гвардейцев ехали. Прямо над трупами меня и взяли...

– И что с того? – снизошел Карфа. – Мало ли знатных пустозвонов смерть свою находят на лесных дорогах от рук удальцов?

– А где те удальцы? Да и знатный знатному рознь... Тот, кого я порешил, королю нашему Ганелону родней приходился. И ехал по какому-то королевскому делу в самую Горную Крепость. А о том, что супротив государственной власти идти не могли – это мне каждый день в королевских подвалах объясняли... Ох, там мастера есть, куда нашим до них... Из нутрей куски мяса вырезали, шкуру прямо на мне шили костяной иглой, как худой мешок, да то мясо свое меня же и жрать заставляли сырым. Это первые два дня так было... – Ужас засверкал в повлажневших глазах Хабы. – Так меня к серьезным пыткам готовили...

– Нет над нами короля! – важно, но, впрочем, совсем негромко объявил Карфа. – Мы, Ночные Братья, сами себе и короли, и принцы, и бароны!

– Для вас его, может, и нет, а вы для него – есть, – не совсем понятно прохрипел Хаба.

Карфа многозначительно хмыкнул, показав, что не намерен искать смысла в только что высказанной бредятине. А бесхитростный Грис, недоуменно похлопав бесцветными ресницами, стянул с башки бахратный берет, утер им сальные губы и, подумав, туда же высморкался.

– За своих Ганелон шкуру спустит со всякого обидчика, – глухо закончил тем временем Хаба, – а за тех, кто хоть малым связан с Крепостью, которые берегут смертных от Тварей, лезущих из-за Порога, его величество голову оторвет и глиной набьет, брюхо выпотрошит и

кишки на репейнике развесит... Этому в тюремных подвалах очень хорошо учат... – снова вспомнил он.

– Закройся, – бесцеременно посоветовал Карфа и надменно отвернулся от старика, который еще несколько минут тому назад был представителем славного Ночного Братства Дарбиона...

Но потом любопытство взяло верх.

– А с чего ты, старый пес, взял, что этот верзила как-то связан с Крепостями? – осведомился он. – На вид – обычный наемник. Обычный наемник и ничего больше. Только норовистый очень. Да молодой, никто еще не обламывал его как следует.

– Знаю, – сказал Хаба. – Рукоять меча зря тряпками не обматывают...

Карфа, очевидно, хотел спросить что-то еще, но тут к нему скользнул косматый служка с кувшинами вина в обеих руках.

– Серебра – не сосчитать, – тихо сообщил служка, – а золотых галеонов – не менее сотни. И это только в одном кошель. Второй на поясе висит, слева. Там-то деньжонок побольше будет. Кошель железной паутиной оплетен и цепочкой крепится – чтоб не срезали.

– Хороший куш, – кивнул Карфа насторожившемуся Грису. – Не стыдно будет нам старину вспомнить. Сколько парней можешь поблизости собрать?

Поразмыслив, Грис растопырил пальцы на руках, что должно было означать – десять.

– Трех довольно будет, – усмехнулся Карфа, – воин он – по всему виду – сильный, но куда ему против наших молодцов... Ты – трех, и я... трех. Да и здесь парочка найдется, кто в плечах покрепче и у кого в башке хмеля поменьше... только подмигни.

Договорив, Карфа и впрямь подмигнул соседнему столику. То же самое сделал и Грис. И тотчас двое неприметных оборванцев один за другим побрели к выходу из кабака, шатаясь и горланя при этом очень натурально.

Вскоре покинул «Серебряного льва» и Хаба. Уходил он, сгорбившись сильнее обычного, а у самого порога вдруг запнулся, словно хотел оглянуться. Но не оглянулся. Грохнула, хлопнувшись за ним, тяжелая дверь, навсегда отсекая когда-то легендарного душегуба от собратьев по ремеслу.

С той ночи больше никто Хабу не видел. Вполне вероятно, что он подался прочь из города и осел в лесной глуши, промышляя охотой на животных и случайных путников, где с годами окончательно озверел. А может быть, кто-то, таивший на него злобу, подстерег Хабу, лишенного теперь защиты Братства, и свел с ним давние счеты. А может, задремал хмельной старик под кустом, да обглодали его, бесчувственного, зубаны. Или, попросту хватив с горя лишка, свалился Хаба в сточную канаву и подох сам, без чьей-либо помощи. Никто не знал, как закончил свою жизнь Хаба, потому что никто и не думал искать его.

– Так что там этот старый пес про тряпки таякал? – задумчиво выговорил Карфа, опустошив половину кувшина после ухода старика. – Мол, рукоять ими зря не заматывают?..

Грис выпучил глаза и заматал головой.

– Вот и я не понял, – хмыкнул Карфа, – совсем этот болван из ума выжил, сам не понимает, что несет. Главное – вот что. Чтоб не подумали уважаемые собраты, что этот верзила и нас сумел напугать – разберемся с ним по полной.

В молчании прошло еще несколько минут, в течение которых Грис от нечего делать сожрал целую миску сухарей, оставленных Хабой. А Карфа все сидел, потирая лоб, будто какая-то мысль не давала ему покоя.

– А если что пойдет не так, любезный друг, – медленно произнес он, – мы всегда сможем Гадхарда разбудить.

Видимо, Карфа сказал что-то совершенно неожиданное для Гриса, потому что тот вместо последнего сухаря прикусил глиняную миску.

– Надеюсь, мой любезный друг, до этого не дойдет, – вздохнул Карфа. – Хотя... кто знает... Этот пень Хаба, может, и сумасшедший, но чутье у него, прямо как у зверя дикого... В любом случае – у верзилы нет шансов. И еще... надо будет послать весточку страже, чтоб не торопилась, ежели какой шум услышит. Никто не должен помешать нам веселиться.

Карфа вдруг усмехнулся.

– Что нам король! – сказал он. – А, любезный друг? Что нам эти замшелые понятия о воровской чести? Новые времена – новые правила. Да если мы захотим, мы хоть завтра можем при дворе щеголять, а его величество даже не будет знать, кем мы были еще вчера... Так-то! Главное – нужных людей знать! Эх, любезный друг, я так рад, что судьба свела нас с Немым...

У Гриса вдруг вытянулась физиономия.

– Понял, понял... – закивал Карфа. – Ни слова никому о Немом... Конечно...

* * *

Оттар покрутил в руке кувшин – на дне кувшина гулко плеснуло. Оттар усмехнулся и швырнул кувшин через плечо, нимало не заботясь о том, куда именно он полетит и не приземлится ли на чьей-нибудь макушке.

Великий Громобой! Подумать только, еще два месяца назад он с радостью пробежал бы сотню-другую горных лиг за одну-единственную кружку теплого, прокисшего, мутного – какого угодно, лишь бы самого настоящего пива! Это сейчас, когда он легко может позволить себе глотать пиво хоть целыми бочонками, грех было б опускаться до вспененных и нагретых подонков, если в любую минуту ему проще простого заполучить вкусный, крепкий и в меру охлажденный хмельной напиток.

Вот Рыжая Магда со стуком поставила перед ним очередной запотевший кувшин. Поставила и уютно шлепнулась Оттару на колени, тем самым решительно положив конец попыткам Колченогой Зары и Нады Кривой занять эту позицию. Зара и Нада, с двух сторон украдкой двигавшиеся по скамье поближе к Оттару, устали на Магду ненавидящими взглядами и зашипели, как кошки.

Да что Зара и Нада! Одна хромая, при ходьбе переваливается с ноги на ногу, будто больная утка, а вторая с громадным молочного цвета бельмом на правом глазу... Вот Магда – совсем другое дело. Эх, Магда! Задница – как два пышных каравая, только что вынутых из печи, груди – упруго покачивающиеся при каждом движении мехи, налитые молодым вином, и при всем при этом великолепии – неожиданно тонкий змеиный стан... А ямочки на покрасневших щеках! На щеках, которые нельзя не ущипнуть, как нельзя не куснуть неожиданно открывшееся в прогале листвы румяное яблочко. А ноги! Белые-белые – чуть шлепнешь, и на коже вспыхивают дразнящие пунцовые пятнышки. А руки!.. Но, пожалуй, больше всего Оттара волновала грудь рыжеволосой. Так и тянет опустить разгоряченное лицо в глубокий вырез, словно в пьянящую морскую волну...

Оттару только недавно исполнилось девятнадцать. И жизнь его складывалась так, что до прошлого месяца отведывать женской ласки ему не приходилось. Когда он прибыл в Дарбион, ему были не совсем понятны жгучие взгляды, которыми щедро осыпали его особы противоположного пола: от сопливых девчонок с цыпками на босых ногах до почтенных матрон, которым в пору на загровке закручивать палочкой дряблую кожу, чтоб она не болталась складками от щек и шеи до самой груди. Но это только поначалу. В первую же ночь, которую он провел в специально отведенных для него покоях дворца его величества Ганелона, подчинясь внезапно охватившему его невыразимому удушливо-горячечному чувству, он сгреб в охапку служанку, наклонившуюся, чтобы взбить ему постель... Сгреб-то сгреб, а что делать дальше – понятия не имел. Впрочем, служанка... как, бишь, ее звали?... даже не растерявшись, мигом разъяснила все затруднения. С той самой ночи будто какой-то маленький демон поселился в светловолосой

голове юного Оттара. О чем бы он ни думал, всякий раз мысли его сворачивали в ту укромную темь, где жаркими кольцами сплетаются мягкие тела, где пыхтят невиданные никогда ранее перины и прыскают в стороны сладкие нутряные стоны...

В помещении «Тошниловки» окон не было. И дверь, впуская и выпуская посетителей, отворялась все реже и реже – но одного мимолетного взгляда на посиневшую уже запороженную темноту Оттару вполне хватило, чтобы определить – до полного рассвета осталось совсем немного. Пора уже было покидать кабак. Оттар урвал бы еще пару минуток, чтобы подняться с Магдой наверх (что он проделывал уже дважды), но по взглядам окружающих (Братья напрасно думали, что юный северянин не замечает, как за ним пристально наблюдают) давно уже понял, что просто так ему уйти не дадут.

«Идиоты с пингвиньими мозгами! – тиснув напоследок Магду за пышный зад, подумал Оттар. – По их глазам и поведению можно читать мысли так же легко, как следы на свежем утреннем снегу!»

Если раньше он чувствовал только ненависть и густо смешанную с опаской угрозу, то теперь расслабленной уверенностью разило от воров так же явственно, как от него самого – крепким пивом. Надо думать, что за порогом «Серебряного льва» Оттара ждет сюрприз.

Оттар допил пиво; отправив кувшин в последнее путешествие до ближайшей стены, довольно отрыгнул и поднялся, предварительно переместив рыжую кабацкую прелестницу со своих колен на скамью. Магда, Зара и Нада всполошились. За то короткое время, которое понадобилось парню, чтобы швырнуть еще одну серебряную монету лохматому службе, уже спешившему к нему поправить наспинную перевязь, одернуть нательную рубаху под тяжелой кожаной курткой и пятерней расчесать жидкую бороденку, он успел выслушать три полноценных признания в вечной любви, плавно переходящих в предложения руки и сердца с подробным перечислением всех видов имущества не только признающихся, но и их родственников.

В ответ на такое Оттар счастливо загоготал и потянул себя за реденькие усишки. Непонятно, как и почему, но женщины углядели в этом жесте нечто настолько обнадеживающее, что, будто замороженные, двинулись следом за парнем, видно намереваясь проводить его до самого дома – но у двери их остановили очень серьезные и вроде бы совершенно не пьяные здоровяки, из тех, кто пришел в кабак совсем недавно. Оттар, безусловно, должен был заметить это происшествие (тем более что Зара оглушительно заорала, когда ее, вздумавшую упираться, двинули кулаком по шее), но почему-то не заметил.

Парень вышел под светлеющее уже небо, на котором сонно моргали, угасая, звезды, и с хрустом расправил плечи. Узкий переулок, ведущий на одну из центральных улиц, резко сворачивал через полдесятка шагов. Оттар на минуту остановился, повернувшись к стене, словно застигнутый желанием справить вполне понятную нужду, и прислушался. В предутренней тишине что-то ворохнулось за поворотом, металлически лязгнуло откуда-то сверху и чуть открылась дверь кабака позади северянина.

«Прыгнут с крыши, – определил Оттар, – да из-за поворота встретят. А те двое, значит, сзади подскочат, когда для них время придет...»

Он едва удержался от улыбки. Великий Громобой, эти полудурки даже и представить себе не могут, с какими противниками ему приходилось иметь дело там, откуда он прибыл! Ну что ж, сейчас они получают отличный урок на тему, что жертву нужно выбирать более тщательно.

Услышав все, что хотел услышать, Оттар с удовольствием пожурчал. Затем не спеша завязал шнурки штанов и, беспечно насвистывая, двинулся вперед. Переулок был настолько узок, что обнажать длинный двуручник не имело смысла, поэтому он держал руки поближе к висевшим на ремне ножам – со стороны, впрочем, имея вид гуляки, вышагивающего уперев руки в бока.

До поворота оставался один шаг, когда под чьей-то осторожной ногой скрипнул деревянный настил крыши – как раз над головой Оттара.

– Началось, – предвкушая жестокую забаву, прошептал он.

* * *

Грабитель не прыгнул с крыши – он с нее соскользнул, метя угодить Оттару на плечи. Но северянин с ловкостью, совершенно невообразимой для его крупного тела, ушел в сторону и, одновременно опустившись на колено, встретил нападавшего сильным секущим ударом ножа снизу вверх. Длинный кривой клинок распорол вора от низа живота до самого подбородка – как рыбу.

Оттар выхватил второй нож и, перепрыгнув через бьющееся в судорогах тело, стремительно ринулся вперед – низко нагнувшись, словно собираясь броситься в набегающую морскую волну. За поворотом его ждали двое. Впрочем, «ждали» – не совсем подходящее для этого слово. Появление парня именно в то мгновение, когда он появился, оказалось для них полной неожиданностью. Первый, очевидно, не успел ни понять, ни разглядеть ничего – только почувствовал, как мимо него мощно просвистел темный вихрь – а потом жизнь его, клокоча, хлынула на покрытую нечистотами землю – из глубокой рассечины, идущей наискось через живот.

Второй грабитель, держа перед собой обеими руками несуразно выкованный узкий меч, попятился назад, изо всех сил тараща глаза, чтобы уловить смысл в молниеносных движениях противника. Прежде чем он сообразил принять оборонительную позицию, пара кривых ножей северянина, с лязгом скрестившись на манер чудовищных ножниц, отсекла ему голову. Укороченное тело, брызжа черно-красными струями из среза шеи, еще несколько мгновений стояло прямо, а затем, будто лишившись костей, сразу обмякло и опустилось на землю.

Оттар вылетел на затопленную синей полутьмой улицу и всплеснул ножами, стряхивая с них капли крови. Позади него вспухали изумленные голоса и вразнобой стучали шаги. Спокойно ожидая преследователей, он деловито вытер кривые клинки о штанины и вложил ножи в ножны. Потом, когда шум приблизился, когда короткие пересвисты полетели с разных сторон – из соседних переулков, – он закинул руки за спину и освободил из ножен двуручник. Привычное, но все еще волнующее ощущение силы заставило его улыбнуться – так было всегда, когда в его руках оказывался этот меч, захваченный когда-то его отцом в одном из морских набегов во Вьюжном море и переданный ему в день его совершеннолетия. О, Андар Громобой, вот уже более двух месяцев прошло с тех пор, как Оттар в последний раз обнажал свой двуручник для битвы! Парень сорвал с рукояти тряпки, и последний луч умирающей Утренней Звезды сверкнул на навершии меча, выточенном в виде головы виверны.

На пустынную улицу высыпали Ночные Братья. Двое, показавшиеся слева, были вооружены короткими прямыми мечами, одинаково удобными для колющих и рубящих ударов; двое, что выбежали из переулка справа, в руках держали метательные ножи без рукоятей, на поясах же у них висели: у одного кривой ятаган с зазубренным, как у пилы, лезвием, а у второго бронзовая палица с острым трехгранным клином – такая палица называлась «вороний клюв» и была предназначена для битвы с облаченным в латы противником. «Клюв» легко пробивал любой доспех, выкованный руками людей, и даже некоторые из доспехов, созданных в гномьих подземельях. Кроме того, из-за спины у вооруженного палицей вора выглядывал арбалет – это Оттар отметил особо.

Три ножа, брошенных один за другим, пролетели мимо Оттара – он не шелохнулся. Четвертый нож парень отбил коротким движением меча. И, шумно выдохнув сквозь хищно оскаленные зубы, взмахнул мечом над головой, разминая мышцы плеч и спины: пришло время славной рукопашной битвы.

Трое бросились на него одновременно. Тот, с «вороньим клювом», немного поотстал, укрываясь за спинами товарищей, чтобы наладить арбалет для выстрела. То, что произошло

в следующий момент, ни он, ни троица, кинувшаяся в бой, никак не ожидали. Оттар шагнул вправо, присев на ногу, без усилий нанизал вооруженного ятаганом грабителя на длинный клинок двуручника и, словно крестьянин, бросающий вилами сноп соломы на скирду, швырнул нанизанного (безвольно болтающиеся ноги вора описали полукруг над камнями мостовой) в подбежавшую с другой стороны пару его товарищей, сбив обоих наземь.

Парень дал им подняться. Время, за которое легко можно было добить грабителей, он потратил на то, чтобы устрашающим взмахом окровавленного меча обратить в бегство обладателя «вороньего клюва». Вор, так и не сумев как следует прицелиться, выронил свой арбалет и пустился наутек. Когда Оттар, раздувая ноздри, обернулся, помятые грабители, растерянно переглядываясь, мелкими шажками отступали вдоль по улице. Оттар опустил меч. Преследовать этих болванов он не собирался. И так уже порядочно задержался.

Но из черного горла переулка, в котором располагался «Серебряный лев», вышагнул еще один громила, неся на руках, будто ребенка, огромную дубину, утыканную ржавыми гвоздями. А за ним еще двое, нисколько не уступающих размерами первому, – Оттар узнал в них тех, кто на пороге кабака задержал женщин, не дав им увязаться за парнем. Один из здоровяков поигрывал мечом (другая рука его была плотно замотана кожаным плащом, такое применение плаща в скоротечных городских драках успешно заменяло щит), а второй держал в руке толстую цепь с тяжеленным шипованным шаром на конце. Эта цепь с шаром называлась «утренняя звезда». В неумелых руках бесполезная, в руках опытного воина она являлась поистине страшным оружием.

Троица смотрелась сильно – особенно на фоне этих мелких подонков, компанию которых Оттар только что разогнал. Поняв, что настоящая драка ему только предстоит, северянин крикнул, мотнул головой и покрепче перехватил рукоять меча. Громила с «утренней звездой» углядел сверкнувшую голову виверны на навершии двуручника и быстро и тихо что-то сказал товарищам. Казалось, на мгновение бандиты замешкались. Но потом обладатель дубины залиvistо свистнул, подавая кому-то знак, и трое, снова обретя уверенность, медленно двинулись на Оттара, по мере продвижения увеличивая расстояние между собой – явно намереваясь окружить парня.

Оттар отступил на шаг. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы оглядеться и оценить обстановку. Парочка, уже собравшаяся бежать, приободрилась и, оцетинившись мечами, держалась теперь позади громил, словно шакалы в тени львов. Чуть поодаль маячил грабитель с арбалетом. Оттар уловил удобный момент и уже собрался броситься в первую атаку, как вдруг заметил на улице еще одного человека.

Северянин не успел его как следует рассмотреть, хотя с первого взгляда понял, что к Ночному Братству он никакого отношения не имеет – самый обычный прохожий в неприметной, запыленной одежде, с громадным тюком за плечами, которого какие-то неотложные дела выгнали из дома в такую рань. Только вот обычный прохожий, наткнувшись на пустынной улице на семерых вооруженных мужчин, способен лишь на одно действие – задать драпака и как можно быстрее. А этот человек бежать никуда не собирался. Он даже заинтересованно замедлил шаги.

Но долго рассматривать чудака Оттару было некогда. Вот-вот рассветет, а с первыми лучами солнца он должен быть во дворце. Следовательно, для того, чтобы утихомирить парней из Ночного Братства, времени у него было в обрез.

Издав боевой рык, испокон веков передающийся в его роду от отцов к сыновьям, Оттар прыгнул вперед на вооруженного дубиной громилу. Тот отпрянул, но северянин атаковал вовсе не его – это движение оказалось обманым. Неожиданным длинным боковым выпадом Оттар распорол бок держащемуся позади прочих бандиту с «утренней звездой». И в следующее мгновение крутнулся вокруг своей оси, едва успев расколоть мечом арбалетный болт, свистнувший в лицо...

Раненый, выронив цепь, со стоном повалился на мостовую. Бандиты одновременно с двух разных сторон кинулись на Оттара, тот свирепо осклабился, завращав над головой своим двуручником. Залязгала сталь о сталь, и еще раз брызнула кровь, и снова засвистели арбалетные болты – когда вдруг над спящими домами поплыл низкий и густой – совсем нечеловеческий – рев, шедший будто бы из самих черных подземных глубин.

* * *

Боги были милостивы к Гадхарду. Он был рожден от любви – в отличие от большинства существ, чьими отцами были болотные тролли, а матерями – дочери человеческие. Более того: в его жилах, помимо полужвериной троллей крови, текла благородная графская кровь. Родительницу свою Гадхард не видал никогда в своей жизни, зато десятилетие спустя, побывав в землях, которые мог бы считать своей родиной, наслушался о ней достаточно. Сказания о Неистойой Графине, которая в безуспешных попытках удовлетворить свою страсть совокуплялась со всем, что было способно к совокуплению, еще жили в окрестных деревнях, несмотря на то что сама Графиня померла давно – в час рождения Гадхарда. Статью и размерами получившийся в неведомого своего папашу, выходя на белый свет из материнского чрева, младенец Гадхард попросту разорвал свою мать пополам.

Само собой, законный супруг Неистойой Графини появлению такого наследника не обрадовался. Еще не остыл труп его супруги, как приказал граф дворовым людям уволочь истошно орущего зеленокожего урода туда, где ему самое место – в болотную топь. Двое здоровенных мужиков обмотали младенца холстиной, обвязали накрепко веревками, чтоб не брыкался по дороге, и, зацепив холстину крюками, с великим трудом оттащили извивающийся сверток к болоту, на берегу которого любила прогуливаться в одиночестве безвременно почившая Графиня. Волочить тяжеленное страшилище по кочкам, рискуя в любую минуту утонуть, им не хотелось. Поэтому мужики разрезали веревки и, вооружившись длинными кольями, загнали гигантского ползуна в топкое место. Ушли они только тогда, когда он, полностью скрывшись под черной водой, начал пускать пузыри.

Хоть тролли и ненамного умнее диких зверей, хоть и живут они всего лет сорок – пятьдесят, но, отличаясь громадными размерами и соответствующей силищей, могут находиться под водой от нескольких часов до нескольких дней. Воля богов была такова, что новорожденный Гадхард выбрался на сушу. Кто знает, как повернулась бы его судьба, если б его подобрали зеленокожие сородичи или мирные охотники; но новой семьей для Гадхарда стали Лесные Братья, немногочисленный отряд которых в сумерки вышел из леса неподалеку для разведки местности. Лесные Братья же и дали ему имя: Гадхард. Что на их разбойничьем жаргоне означало – Живая Добыча. Очень скоро выяснилось, что физически найденыш мало чем отличается от народа, к которому принадлежал его папаша (разве что мордой он больше походил на человека, а не на громадную жабу, как другие тролли, да и на голове у него росла вполне человеческая шевелюра, тогда как все тролли были лысы), зато по уровню умственного развития он вполне мог сравниться с человеком; правда, не со всяким, а только со страдающим слабоумием. До десяти лет (почти уже зрелый возраст для троллей) Лесные Братья не спускали его с цепи, методично обучая приемам палочного боя и время от времени используя в качестве боевой машины в битвах с охранниками торговых караванов.

Равно как и другим хищникам, Лесным Братьям приходилось часто менять места охоты в поисках новых жертв. И как-то забралась ватага в далекие заболоченные леса, и на первой же стоянке Братья напоролись на самку тролля с целым выводком детенышей. Троллия жаростно защищалась, убив троих разбойников и покалечив с полдесятка, но ее удалось-таки одолеть, исколов копьями ноги. Детенышей хладнокровно пустили в общий котел, а самку не стали убивать, ради смеха бросили Гадхарду. Но, против ожидания Братьев, Гадхард не набросился

на жалобно скулившую раненую троллиху, как подобает любому уважающему себя самцу. Он довольно долго кружил вокруг нее, звеня своей цепью, обнюхивая и пытаясь заговорить (Гадхард овладел человеческим языком на таком уровне, что вполне был способен поддерживать простой разговор). Убедившись в том, что она не понимает его и даже, видимо, не видит особого различия между ним и мучителями-людьми, Гадхард в замешательстве отошел. Вечером ему швырнули изрядный кусок ее мяса, но Живая Добыча даже не шелохнулся. С того времени часто стали замечать Братья, как ночами Гадхард негромко говорит сам с собой, и не раз бивали его за то, что он царапал когтями свой ошейник и грыз звенья цепи. Если бы кто-то из лесных молодцов имел привычку задаваться вопросами по поводу окружающей действительности, он, наверное, пришел бы к выводу, что их зеленокожий гигант-питомец впервые в жизни задумался над тем, кто он на самом деле такой?

Но настал тот день, когда в одном из боев цепь, удерживающая Гадхарда, лопнула. Ощущение свободы неожиданно опьянило Гадхарда. В нем вдруг проснулась голубая графская кровь. Получив возможность двигаться так, как ему хочется, а не туда, куда его направляют, он впал в безумство. Когда кровавая пелена спала с его глаз, оказалось, что он стоит на лесной тропе совершенно один, покрытый кровью с головы до ног, с размочаленным обломком дубины в лапище. А вокруг вперемешку валяются трупы торговцев, их наемников и кое-кого из Лесных Братьев с размозженными головами.

Гадхард подобрал обломок меча, рукоять которого мертвой хваткой сжимала оторванная по плечо рука, содрал с его помощью со своей шеи многослойный кожаный проклепанный ошейник и огляделся. Лесная тропа вела с запада на восток. На востоке располагался лагерь Лесных Братьев, и полутролля хватило умишка избрать противоположное направление. Он двинулся на запад. Шел несколько ночей подряд, светлое время суток проводя в ямах или на деревьях. На второй день пути Гадхард повстречал одинокого тролля и с омерзением отшатнулся от него. Когда же тот сам заинтересованно потянулся к нему, дивясь густым волосам на голове, лохмотьям набедренной повязки и свежесломанной дубине в лапах (тролли не нуждались в оружии, обходясь мощными когтями и зубами), Гадхард обложил его самыми грязными ругательствами, какие только слышал от своих старых хозяев. Это не помогло – тролль не понял полутролля. Тогда Гадхард дубиной раскроил ему башку. Брезгливо обошел труп и направился дальше.

Несколько раз ему попадались человеческие поселения. Гадхард не входил в них. Зато подолгу сидел где-нибудь в укрытии густой травы и, взволнованно дыша, наблюдал. Его неудержимо тянуло к людям.

Боги по-прежнему не оставляли его своей милостью. Гадхард утвердился в мире людей, заняв место, к которому привык с самого своего рождения. Он стал одним из воинов Ночного Братства. Городские воры оказались умнее лесных головорезов. Гадхарда не стали сажать на цепь, относясь к нему почти как к равному. День-деньской полутролля спал в подвале под кабаком «Серебряный лев». Жратвы и питья ему давали вдоволь и, помимо этого, справили железную дубинку с шипованным набалдашником, которую в одиночку не под силу было поднять никому из людей. За Гадхардом посылали только тогда, когда требовалось задействовать его нечеловеческую силу – в бою он стоил целого отряда отборных ратников. Правда, с годами характер полутролля испортился: видимо, люди, к числу которых он себя безоговорочно причислил после короткого опыта общения с сородичами по отцовской линии, разочаровали его. Что в принципе неудивительно, учитывая род занятий персонажей, с которыми ему приходилось общаться. В последнее время, впадая в ярость битвы, Гадхард не успокаивался до тех пор, пока не упивался кровью и стонами жертв досыта. Поэтому верхушка Братства прибегала к услугам Гадхарда все реже и реже...

* * *

Этих головорезов нельзя было обвинить в отсутствии тактики. Оттару пришлось изрядно попотеть, сражаясь одному против четверых, еще и при том условии, что подлец-арбалетчик так и норовил выскользнуть из поля его зрения, чтобы изловчиться выстрелить наверняка. Бандиты не нападали очертя голову, особенно после того, как еще один из них напоролся на клинок северного двуручника – они действовали осмотрительно, грамотно пользуясь численным преимуществом с целью вымотать противника и подставить его под арбалетный болт. Атаки северянина вязли в глухой защите, причем Ночные Братья, остерегаясь грозного двуручника, предпочитали не отражать удары, а попросту отпрыгивать на безопасное расстояние. Преследовать врага Оттар не мог, не подставив себя под клинки других окруживших его бандитов.

И когда уже третий арбалетный болт пробуравил холодный предутренний воздух в тщетной попытке достичь цели, северянин вдруг сам, повернувшись спиной к бандитам, со всех ног бросился наутек.

Маневр был настолько неожиданным, что сразу двое головорезов ринулись вдогон, среагировав не разумом, а инстинктом.

В это мгновение Гадхард, топоча по переулку, впервые испустил свой рев.

Северянин пробежал всего несколько шагов. На приличной скорости он внезапно повернул обратно: это вышло у него так ловко, что момента торможения никто и не заметил – можно было подумать, будто он врезался в невидимую стену и, пружинно оттолкнувшись от нее, швырнул себя на не успевших ничего сообразить преследователей. Оттар бешеным винтом пролетел обочь бандитов: дважды свистнул меч, и одна за другой две головы с выпученными глазами и раззявленными в безмолвном крике ртами со стуком покатались по мостовой.

Во второй раз Гадхард заревел, показавшись из темени узкого переулка.

С видимым облегчением бандиты бросились врассыпную; тот, кого северянин успел ранить, даже уронил свой меч, с мучительным стоном обхватив пятерней глубокий кровотокающий разрез на плече. А Оттар остановился. И, набывчив могучие плечи, сжал обеими руками перед собой меч с окровавленным лезвием. Его глаза налились кровью. Если то, что происходило до появления полутролля, было всего лишь затянувшейся забавой, то теперь перед ним встал *настоящий* враг.

Тролли обычно передвигаются на четырех конечностях, ибо передние их лапищи гораздо длиннее задних. Гадхард шел прямо, подобно человеку. Тролли никогда не используют оружия. Гадхард был вооружен огромной дубиной и держал ее вовсе не как кусок дерева, а как опытные воины держат привычный для их рук инструмент смерти. Ощеренная пасть полутролля шумно сипела нитями желтой слюны, но маленькие глазки внимательно ощупывали северянина, будто ища слабые стороны. Оттар видел перед собой чудовищный сплав звериной свирепости и почти человеческого разума – он быстро это понял, и, видимо, понимание это несколько сбilo его с толку: когда Гадхард, низко приседая на каждом шагу и раскачиваясь, понес свою ужасную тушу все быстрее и быстрее прямо на него, северянин, покачивая перед собой мечом, произвольно отшагнул назад.

Гадхард стремительно бросился в атаку. Лапища полутролля была очевидно длиннее руки северянина, и двуручник значительно уступал по размерам громадной дубине – поэтому Оттар не рискнул ударить на опережение, а отскочил в сторону; дубина врезалась в мостовую и взорвала ее, точно слой снежного наста, – осколки камней градом застучали о стены близлежащих домов. Уйти от первого удара Оттару удалось без особого труда, но второй удар последовал с интервалом практически в мгновение. А за ним третий. И четвертый.

Окованная железом дубина летала с невообразимой легкостью, плела гибельную паутину, словно презирая законы инерции, подчиняясь будто не мышцам, а мыслям хозяина. Оттар

проворным шмелем крутился вокруг полутролля, тщетно ожидая момента для контратаки. Грозное оружие северянина – длинный двуручник – в этой схватке оказалось бесполезным, и Оттар отшвырнул его, вытянув из-за пояса пару кривых ножей. Один из них он тут же изловчился метнуть во врага. Брошенный с близкого расстояния, нож тем не менее глубоко вошел в брюхо страшилища, но Гадхард смахнул его небрежным движением левой лапищи, как ужалившего овода. Длины ножевого лезвия попросту не хватило на то, чтобы пробиться сквозь толщу шкуры и мускулов и поразить внутренние органы...

Углядеть молниеносную прореху в свистящей паутине, поднырнуть под смертоносную дубину и успеть нанести точный удар в наиболее уязвимое место было единственной надеждой Оттара одержать победу, а значит – выжить. Но Гадхард, свирепея от того, что его дубина попусту сотрясала мостовую, двигался все быстрее и быстрее, не давая северянину ни малейшего шанса.

И вдруг огромный полутроллеь замер на месте с занесенной для очередного удара дубиной, словно каменное изваяние.

Не поняв причин такого странного поведения, Оттар тем не менее не упустил возможности. Мгновенно взметнувшись в отчаянном прыжке, он коротким и резким ударом ножа глубоко распорол Гадхарду горло, едва не отделив голову от шеи.

Полутроллеь не рухнул на мостовую, как того следовало ожидать. Почему-то замерев, он даже не изменил позы – только дернулась голова от сильного удара ножа. Остановившиеся глаза Гадхарда побелели, и зеленая его кожа начала быстро темнеть, будто внутри чудовищного тела вспыхнул черный огонь. Со слышимым треском по громадному телу полутролля побежали черные червячки трещин. Кровь, хлынувшая из страшной раны под подбородком, почти сразу же запеклась уродливыми смоляными наростами на груди.

Тяжело дыша, Оттар прыгнул к своему мечу и, только схватив его, как следует огляделся.

Вокруг совсем рассвело. И колыхалась под мутновато-розовым небом тишина, хотя никакого сомнения в том, что вся улица давно проснулась от грохота битвы, не было. Совершенно почерневшая туша высоченным столбом торчала посреди улицы. Да валялись остывающие тела сраженных северянином бандитов. И стоял у сточной канавы под стеной ближайшего дома давешний знакомый. Неуклюжий тюк все так же громоздился за его плечами, а с еще двигавшихся пальцев правой руки тянулась к превратившемуся в изваяние полутроллею тающая энергетическая нить – уже почти невидная.

В груди Оттара колотилось сердце. Он харкнул соленой слюной на мостовую и проговорил первое, что пришло в голову:

– Я б его и так скоро завалил... Пиво... кха... в брюхе бултыхалось, к земле тянуло... Не думал, что старые сказки о троллях, которые каменеют под первыми лучами солнца, правда.

Незнакомец ответил неожиданно серьезно:

– Дневной свет никак не влияет на троллей. Я применил Малые Оковы Гарда, потому что эта тварь напала на тебя.

Оттар не имел ни малейшего понятия даже об азах магического искусства. На его родине занятия магией считались привилегией одного рода, представители которого практиковали только простейшую исцеляющую магию да могли вымолить у духов моря попутный ветер для парусов боевых драккаров. Северянин лишь сейчас осознал, что именно этот невзрачный парень со свалывшимися длинными волосами, в заплатанной дорожной одежде, которая давно уже нуждалась в чистке, в стоптанных сапогах и безо всякого оружия победил свирепого великана. И, вполне возможно, спас ему жизнь. Ну, по меньшей мере, уберег от серьезного увечья. Он что, маг? При дворе его величества Ганелона Оттар видал магов. Все они были почтенными старцами, а незнакомец вряд ли старше его самого... Только у парня с висков на плечи падали две совершенно белые пряди, и эта седина, обрамлявшая юное лицо, придавала ему какой-то... нездешний вид.

– Ты маг? – делая шаг в сторону и подбирая с земли брошенную им в начале схватки тряпку, чтобы вытереть меч, спросил Оттар первое, что пришло в голову. – Наверное, ученик какого-нибудь великого кудесника? Или... – тут новая мысль вспыхнула в его мозгу и заставила ухмыльнуться, – или ты старый хрен, повесивший на себя чары молодости, как старуха вешает на рожу кисею, чтоб морщин не было видно?!

Северянин и в мыслях не держал оскорбить парня. Он говорил так, как привык, то, что думал. Если б ему сейчас сообщили, что высказывание его кому-то может показаться грубым, он бы очень удивился. И парень его понял.

– Мне девятнадцать лет, – чуть улыбнувшись, сказал он. – И, хотя я кое-что понимаю в магии, до моих учителей мне еще очень далеко. Так что я не могу назвать себя магом.

– Ишь ты! – только и ответил Оттар.

Улица дохнула прохладным утренним ветерком – и каменная глыба, которая когда-то была Гадхардом, покачнулась и, с ужасающим грохотом обрушившись на мостовую, разлетелась мириадами мельчайших осколков.

Где-то недалеко чуть слышно скрипнула ставня – какой-то горожанин, в котором любопытство пересилило осторожность, все-таки решился выглянуть на улицу. Северянин вздрогнул и ловко закрутил рукоять своего меча тряпкой. Потом поместил двуручник в наспинные ножны и воровато оглянулся.

Оттар досадливо сплюнул и, с благодарностью кивнув незнакомцу, повернулся и быстро побежал вдоль по улице, держась ближе к стене – ища прогал переулка, куда можно было бы свернуть.

Когда северянин нашел, что искал, когда его принял затхлый, узкий и извилистый, словно кишка гигантской дохлой рыбы, переулок – он замедлил шаги. Почувствовав что-то неладное, Оттар обернулся и обомлел.

Незнакомый парень, улыбаясь, стоял за его спиной. «Не иначе опять колдовство какое! – ворохнулось в голове у северянина. – Как он мог следовать за мной так споро и бесшумно, да еще и с тюком за спиной. И... чего ему надо-то вообще?»

Последний мысленный вопрос Оттар проговорил вслух:

– Может, тебе денег надо или еще чего? Я ведь, стало быть, теперь вроде как должник твой... Кто другой мимо бы прошел, а ты – вон оно как.

– Мне не нужны деньги, – ответил парень.

– Да? Ага... Ну, так... спасибо тебе, дружище.

– Благодарность тоже ни к чему, – сказал незнакомец, – я сделал то, что должен был. Напротив, это я обязан тебе за то, что ты дал мне возможность исполнить мой святой долг.

Оттар подергал себя за тонкий ус. Он мало что понял из слов парня.

– Ага... так. Хотя, если уж ты такой сильный маг, можно было и этих полудурков покропить. Нет, я и их рано или поздно растоптал бы, но...

– Этого я сделать не мог. Я не сражаюсь с людьми.

И снова северянин проглядел смысл в высказывании парня.

– Значит, денег тебе не надо... – сказал он только. – Ты, верно, из тех магов, что могут создавать золото из куриного помета... Хы... Или... Вот что! Могу словечко за тебя замолвить перед самым Гархаллоксом, архимагом Сферы Жизни. Хочешь быть придворным магом? Это я враз устрою. Я-то ведь... – Тут он прикусил язык и снова оглянулся. – Решайся быстрее, а то мне на самом деле ни мгновения нельзя здесь больше оставаться... Совсем уже светло...

– Я не хочу быть придворным магом, – ответил незнакомец. – И мне не нужна помощь. Но, сдастся мне, мы идем в одном направлении, так что я не вижу причин, почему бы нам не идти вместе.

– Что? – вытаращился Оттар. – Да ты хоть знаешь, куда я иду?

– Знаю, – просто сказал парень. – Ты направляешься в королевский дворец. Тебя зовут сэр Оттар. Ты рыцарь Северной Крепости Порога. Ты один из тех, кого его величество Ганелон призвал охранять покой принцессы Литии.

Северянин недоуменно шмыгнул носом. Потом наконец сообразил:

– Да ты и мысли читать можешь?

– Мысли я читать не могу, – возразил незнакомец. – Это довольно сложно, да и не всегда нужно. На рукояти твоего меча голова виверны – отличительный знак Ордена Рыцарей Порога. Ты не принадлежишь Ордену Горной Крепости – даже ребенок узнает в тебе чистокровного северянина, подданного Утурку, Королевства Ледяных Островов, следовательно, ты – рыцарь Ордена Северной Крепости Порога. Рыцарь Северного Порога может находиться так далеко от своей Крепости только по двум причинам: в походе за провиантом (в Горную-то Крепость все необходимое доставляется королевскими ратниками) или по особому велению своего Магистра. Поход за провиантом – дело ответственное и спорое, вряд ли рыцари, занятые в нем, могут позволить себе почти две недели подряд проводить ночи в кабаках...

Оттар хрюкнул что-то себе под нос и чуть покраснел.

– Получается, – продолжал незнакомец, – что тебя привело в Дарбион особое веление твоего Магистра...

– Особое веление, – неохотно подтвердил Оттар.

– Правда, я знаю, что рыцари Порога, оберегающие принцессу, по королевскому приказу обязаны находиться при Литии неотлучно...

– Обязаны, – снова согласился Оттар. – Теперь мой долг верой и правдой служить ее высочеству принцессе... И выполнять уже ее веления... – Он напрягся, припоминая сказанную ему когда-то формулировку. – А она велела мне... это самое... патрулировать окрестные ночные заведения для увеселения... чтобы заранее распознать опасность... и это самое... предупредить ее... опасность то есть. А рыцарь из Горной Крепости, сэр Эрл, в это время оберегает покой принцессы близ ее покоев. Особливо ее высочество наказывала, чтоб про мои отлучки ночные никто ничего не знал. А то слухи пойдут всякие... К чему двору его величества слухи? Потому-то я рукоять меча в тряпки заматываю. Ну, правда, иной раз не обходится без каких-нибудь происшествий. Как вот сейчас, например. Пристают всякие балбесы...

Незнакомец с седыми прядями в длинных волосах кивнул без улыбки и сказал серьезно и даже заинтересованно:

– Увидеть врага прежде, чем он тебя увидит, – значит наполовину победить его. Довольно разумно. И какова же обстановка в городе?

Северянин махнул рукой.

– Да что тут может произойти? Тишь да гладь. Одно слово – горожане. Переваливаются с боку на бок, как тюлени на камнях, лоснящиеся брюха поглаживают. Их бы на Побережье к нам...

И тут мгновенная пощечина черного ветра с Вьюжного моря захлестнула его глаза, и он увидел грозно трещащее от вечного мороза серое небо, иссеченное всплесками красных молний. Он увидел необъятный бушующий простор ледяных вод, качающих темные льды айсбергов, и беззвучно поднимающуюся из морских недр огромную угловатую башку, туго обтянутую бесцветной, как бы выскобленной, шкурой, на которой мутно поблескивает россыпь выпученных глаз, увидел, как, втягивая в себя струи соленой воды, разверзлась пасть, оскаленная сотнями беспорядочно торчащих зубов, каждый из которых был длиннее его двуручника по меньшей мере вдвое...

– Тишь да гладь? – негромко переспросил незнакомец. – Мне так не показалось. Мне кажется, здесь происходит что-то тайное. Как перед бурей... будто воздух набух и давит... Одни зубаны чего стоят... Впрочем, мне самому пока трудно сказать определеннее. Пока...

Оттар снова махнул рукой, да еще и сплюнул.

– Да ничего тут случиться не может. Одно слово – тюлени. Даже еще хуже. Я ведь, стыдно сказать, сам попросил у принцессы дело мне какое-нибудь найти. Я ж не дурак, вижу, что я при ней не очень-то и нужен... Вот сэр Эрл – другое дело, он во дворце как рыба подо льдом – вольготно ему, а мне здесь совсем паршиво. Душно во дворцовских покоях. Перины эти... А под кроватями знаешь что? Глиняные миски глубокие. Знаешь для чего?.. Сказать даже стыдно. Как будто ноги отвالتها во двор прогуляться. Да и миски эти за тебя служанки выносят. Много здесь лишнего, – вздохнул Оттар. – Непонятно это все... зачем так?

– Служба при дворе, должно быть, легче той, к которой ты привык в Северной Крепости, – ровно проговорил на это незнакомец.

Северянин снова вспыхнул. Да что же это такое?! Почему его постоянно в краску бросает-то?.. Этот тип... вроде обыкновенные слова говорит, а каждое слово в душу падает, как в колодец, и эхо от тех слов, и круги в глубине... Оттар резко глянул в глаза парню, но, встретившись с ним взглядом, вдруг сразу остыл. Не было насмешки ни в глазах, ни в словах незнакомца. Ведь правду парень говорит. Только вроде получается, его правда не такая, как то, что понимают под этим словом все остальные. На самом деле Оттар здесь баб щупает и бражничает, когда ребята там, в его Крепости... Северянин поймал себя на том, что давно уже чувствует непонятное доверие к совершенно незнакомому парню – какое-то братское доверие. Незнакомец, как и он сам, говорил то, что думал – слова его не виляли, подобно крикливым чайкам, выискивающим добычу над морскими волнами.

Они продолжили путь по переулку и скоро вышли к королевскому саду, огороженному высокой стеной с заостренными прутьями на вершине. Обычно на этих прутьях красовались полуистлевшие отрубленные головы казненных преступников, но сейчас было пусто, только темнели на кромке стены несколько косматых тушек нахохлившихся зубанов – давно в Дарбионе не происходило ничего дурного.

– Во, глянь! – брезгливо наморщился Оттар, указав на тварей. – Раньше только по деревьям да окраинам шебуршили, а теперь и у самого дворца... Вчера, я слышал, дворцовой кухарки младенца одна такая гадина уволокла. И откуда только взялась эта погань?

Собеседник северянина ответил не сразу.

– Зубаны явно не создания природы, – сказал он. – Они появились сразу и ниоткуда, примерно четыре месяца назад. Они нападают на домашний скот, истребляют птиц, отчего расплодившиеся сверх всякой меры насекомые уничтожают пашни, сады и виноградники. Несомненно, это продукт магических экспериментов. Должно быть, какой-нибудь маг-недоучка сотворил этих гадов случайно... В лучшем случае.

– А в худшем?

– А в худшем – не случайно, а с какой-нибудь целью.

Оттар пожал плечами. В его голове не укладывалось подобное: как можно было тратить время и силы на создание чего-то заведомо ненужного и даже вредного? И какую цель преследовал маг, творя зубанов? Эти омерзительные твари, жирные, противно пищащие, неуклюже шарахающиеся в воздухе тут и там, пожирают все, что могут пожрать, воруют человеческих детей... Говорят, случалось и такое, что стая зубанов атаквала где-нибудь в глухом месте одинокого путника, ослепляла ударами лохматых крыльев по лицу и, вырывая острыми зубами клочки одежды и плоти, валила наземь, чтобы за пару часов обглодать до косточек.

– Ну, а имя мое как ты угадал? – поинтересовался Оттар, когда они шли вдоль стены и в памяти северянина снова возникла громадная угловатая башка с оскаленной пастью. Неужто и в Дарбионе его знают как того самого Оттара, повергнувшего Серого Подледника, одну из самых страшных Тварей, приходящих из-за Северного Порога?

– Я пришел в Дарбион на закате, – ответил незнакомец. – Ночь провел в харчевне «Веселый Монах», что неподалеку от городского рынка. Мне нужно было осмотреться.

– Осмотреться в харчевне?!

– Я услышал многое из того, что происходит в городе. Слышал и о тебе.

Оттар с готовностью напыжился.

– Это не ты ли учинил драку с пьяными торговцами на ночном рынке? – продолжил парень. – Они, десятером охранявшие подводу с рыбой, приняли тебя за грабителя, а ты разогнал их оглоблей от этой же подводы... И тот, о ком рассказывали, что он в одиночку разгромил окраинную таверну, обидевшись на то, что пиво ему подали в треснувшем кувшине, – разве не носил имя Оттар?

Северянин долго не отвечал. Наконец проговорил, шмыгнув носом:

– Эти... которые с рыбой, первые начали. Обрадовались: десятеро на одного... А в той таверне... я им серебром платил, а они? Пиво же из кувшина вытекало!

– Судя по тому, что твой обидчик бежал три квартала с тем же кувшином, засунутым в задницу, кувшин все-таки был довольно крепок, несмотря на трещину, – возразил незнакомец.

– А ты, я гляжу, не только в магии силен, – не поднимая глаз, буркнул Оттар, – недостойно приличного человека слухи собирать...

– Если бы я держал уши закрытыми, я бы вовсе ничего не услышал, – спокойно ответил парень.

Оттар остановился под стеной. Огляделся. И принялся отвязывать крюк от пояса.

Незнакомец впервые нахмурился.

– Почему ты хочешь пробраться в дворцовые покои воровски, незаметно? – спросил он. – Разве стража не пропустит тебя?

– Ну, потому что... э-э... о моих ночных вылазках должна знать только принцесса, вот почему.

– О твоих ночных вылазках знает весь город.

Северянин недоуменно заморгал.

– Какой же ты странный человек! – выговорил он, вроде как осердясь на бестолковость собеседника. – Да, знают... Но стража *как бы* не знает о том, что я каждый день покидаю дворец. Ты действительно не понимаешь или прикидываешься? Я готов отгрызть себе голову, если на то будет веление принцессы, но она ясно дала мне понять, что я сейчас вовсе не нужен ей во дворце. Я шляюсь ночами по кабакам и тавернам, а днем дрыхну, потому что так пожелала ее высочество. А вот сэр Эрл из Горной Крепости – другое дело. Лития не разлучается с ним ни на минуту, даже ночи он проводит под ее балконом, и думается мне, дело идет к свадьбе... Теперь понял?

– Нет, – покачал головой парень с тюком за плечами. – Если принцессе достаточно иметь для охраны лишь одного рыцаря Порога, зачем же торчать в Дарбионе еще двоим? В Крепостях каждый воин на счету...

И опять незнакомец оказался прав. Но его правда опять выглядела какой-то... другой... Оттар открыл было рот, чтобы врезать этому чудаку хлестким словцом, но... вместо этого рассмеялся. Нет, он все-таки почему-то не мог злиться на него.

– Ну, ты даешь, братец, – отсмеявшись, проговорил Оттар. – Откуда ты такой взялся? Да и что значит: «зачем торчать в Дарбионе еще двоим»? В королевском дворце только я да сэр Эрл – рыцари Порога.

– Насколько мне известно, его величество призвал в Дарбион рыцарей из *каждой* Крепости Порога.

– Само собой... – несколько удивленно ответил Оттар. – Таково было повеление его величества.

Это простым обывателям для жутких и интересных сказок зимними вечерами было достаточно только Горной Крепости; даже о Северной Крепости, что расположена на Побережье Вьюжного моря, знали очень немногие. А северянин принадлежал к Братству Рыцарей Порога. Как и все без исключения рыцари Порога, он проходил обучение в своей Крепости

– где, помимо боевых искусств, изучали еще и историю Порогов. О том, что *три* Крепости надежно запирают три Порога, прибывшие в Крепость ученики узнавали в первый же день. Если, конечно, не знали об этом раньше.

Горная Крепость вырублена в черном камне Скалистых гор в месте, называемом Перевалом. Там находится Горный Порог. Гряда Скалистых гор проходит по границе между королевствами Гаэлон и Марборн, а Перевал принадлежит Гаэлону.

Северная Крепость стоит на самом краю великого королевства Гаэлон, на берегу далекого Вьюжного моря, где промозглая тьма заслоняет промерзшую землю от солнца, где плети беспощадного ветра секут ледяные волны, где на черном морском дне таится Северный Порог. На суровых просторах Вьюжного моря издавна властвуют жестокие воины Утурку, Королевства Ледяных Островов.

А третий Порог... О том, что третий Порог существует, знали очень немногие. Конечно, король и его министры; конечно, маги, кое-кто из знати; и еще – та малая часть людей, которым богами вложена способность знать больше других. Но еще меньшему количеству было известно, что этот Порог находится в месте, которое называют Туманными Болотами. И уж вовсе почти никто не знал, где эти самые Туманные Болота располагаются. Болотный Порог, говорят, запирает Болотная Крепость. Земли, где раскинулись гнилые топи Туманных Болот, не принадлежат никому.

– Ежели в городе говорят, что из Болотной Крепости кто-то прибыл, – это чистой воды враки, – сказал Оттар. – Уж я-то знал бы, ежели бы что... Туда, в глухомань эту, поди и королевский посланник недоскакал, сгинул где-нибудь по дороге. Да и вряд ли посылали посланника-то. Я слышал, тамошняя Крепость совсем с внешним миром не сообщается, поэтому болотные рыцари, издавна только с Тварями дело имея, сами одичали. Народишко давно плетет слухи про каких-то болотников, такие небывицы выдумывают, что уши вянут... Кто-то говорит, что болотники – такие злобные колдуны, полулюди-полудемоны, а кто-то говорит, что болотники и есть те самые рыцари Болотного Порога. Всякое врут. Знаю одно: боятся болотников в народе-то, душегубами называют...

– Напрасно бояться, – ответил незнакомец. – Болотники не сражаются с людьми.

– Смотри-ка! – хохотнул опять Оттар. – Прямо как и ты...

Тут он осекся и уставился на парня во все глаза.

– Ты... что ли?..

– Я, – сказал незнакомец.

– Ты... болотник? То есть рыцарь-болотник? Великий Громобой! Самый настоящий?..

Северянин отступил на шаг и оглядел парня с нечесаной макушки до стоптанных подошв сапог, словно ожидая увидеть незамеченные ранее клыки или рожки... Потом фыркнул и помотал головой с такой силой, что толстые косы хлестнули его по обветренным щекам.

– Тьфу ты! – изумленно выговорил он. – Да не верится. Не верится и все тут... Ты не врешь?

– Врать недостойно воина, а тем более – рыцаря.

– Но ты... ты как-то не очень...

– Похож на рыцаря? – закончил за Оттара парень.

– А... оружие... и доспехи... Свита... Ну, конь боевой... Ты так и пришел в Дарбион? Один? Пешком? В этих отрепьях?

– Коня я был вынужден оставить на половине пути, потому что там, где я шел, никакой конь не прошел бы. Свита... к чему мне свита? А оружие и доспехи у меня здесь. – Незнакомец опустил на землю тяжелый тук и устало повел плечами.

Оттар в замешательстве подергал себя за усишки.

– Ну, а почему ты... – неуверенно проговорил он, – почему ты не надеваешь доспехи, чтобы...

«Хоть немного походить на рыцаря», – хотел договорить он, но не стал этого делать.

– Зачем мне здесь доспехи? – абсолютно искренне удивился парень. – Доспехи и оружие необходимы для битвы, а не для прогулок по городу или во дворце.

– Ты рыцарь Порога? – все не мог поверить Оттар. – Ты рыцарь из Болотной Крепости Порога?

Парень усмехнулся.

– Да, – сказал он.

Оттар с минуту смотрел на него, потом решительно повесил крюк, который успел уже отцепить, опять на пояс.

– Ну-ка пойдем, – сказал он. – Пойдем, пойдем... Через ворота, как полагается. Чего это мы в самом деле будем через стены карабкаться, как ворюги?

Простодушный северянин теперь чувствовал к парню почти что любовь, как к вернувшемуся из долгого-долгого путешествия брату.

Он хотел было подхватить тюк болотника на плечо, но тот опередил его. Оттар быстро пошел вдоль стены в обратную сторону. Парень поспевал за ним.

– А как тебя зовут-то? – обернулся на ходу северянин.

Болотник остановился. Опустил свой тюк и протянул руку.

– Кай, – сказал он. – Сэр Кай. Рыцарь Ордена Болотной Крепости Порога.

– Сэр Оттар, – сказал северянин, – рыцарь Ордена Северной Крепости Порога, – и крепко пожал ему руку. – Ну, здравствуй, брат.

ГЛАВА 3

Королевство Крафию со всех сторон надежно защищало от воинственных соседей кольцо Белых гор, потому-то Крафия подвергалась испытаниям войной крайне редко. На протяжении веков соседнее маленькое, но воинственное княжество Линдерштейн пыталось расширить владения за счет присоединения к себе горного королевства, но всякий раз обламывало зубы о Белые горы. Лавины с заснеженных горных вершин накрывали неосторожные отряды врага; пропасти неожиданно распахивали черные пасти, скидывая с себя покрывало коварно-тонкого наста, и поглощали целые армии; даже горные тропы, тайны расположения которых противнику пытками удавалось вытянуть из местных жителей, вдруг исчезали меж камней, точно вспугнутые змеи... Конечно, к чему было Крафии содержать большое войско, если в ее городах успешно функционировало столько чародейских школ, университетов, библиотек, магических мастерских, храмов и монастырей, сколько не было во всех королевствах Запада, а то, пожалуй, и всего мира? Крафия по праву считалась самым просвещенным королевством. Говорили, будто сам Безмолвный Саф, Хранитель Бесконечной Мудрости, осенил Крафию своим благословением. Маги и жрецы, овладевшие натурой ветра и камня, тщательно защищали свои владения. А пытливые умы со всех концов света стекались сюда, чтобы обрести учителей, которые помогли бы им познать Вечную Истину Вселенной. И наверное, каждый, впервые оказываясь в Главном Университете, мечтал опровергнуть выбитую в камне ворот надпись: «ВЕЧНАЯ ИСТИНА НЕПОЗНАВАЕМА».

Князь Лелеан в просторной светлой комнате верхнего яруса Бирюзовой Башни Главного Университета вздохнул и осторожно свернул древнюю рукопись. Поместив рукопись в тубус, он подошел к стене и нажал рычажок, открывающий тайник, мельком оглянувшись через плечо перед тем, как это сделать (это была излишняя предосторожность, поскольку князь в комнате был один, к тому же в Главном Университете никогда не было и не могло быть шпионов). Надежно заперев тубус в тайник, Лелеан вернулся за свой стол, где с одной стороны аккуратными стопами возвышалась не исписанная еще белейшая камышовая бумага, а с другой – в высокой костяной подставке, словно бутылки в винном погребе, рядами лежали уже заполненные тубусы.

Князь обмакнул перо в чернильницу и задумался над белым листом. С того самого дня, как он совершенно случайно обнаружил тайник, а в нем древнюю рукопись, жизнь его переменялась. К чему погружаться в дурманящие эмпирические пучины, пытаясь познать тайны Вечности, если, даже и познав, ничего не сможешь изменить? Рукопись говорила совершенно о другом. Неведомый ее автор открывал тайну этого мира, мира, в котором волею богов уготовано жить Лелеану, его родным и близким, его детям и его внукам. Неведомый автор говорил о том, что вовсе не люди – самая многочисленная раса – являются хозяевами своего мира. Более того – этот мир никогда не принадлежал им.

Они – так называют *их* люди. *Те-кто-смотрит* – так называют *их* гномы. Вот кто является истинными владетелями всего сущего. Вот для кого люди – всего лишь послушные и слепые домашние животные. *Они* только позволяют людям существовать, пока люди нужны *им*. А если *они* найдут способ обходиться без людей?.. *Они* – безмерно могущественны, чувства жалости и сострадания присущи человеку, но не *им*. *Им* ничего не стоит истребить людей, всех до единого, от невинного младенца до дряхлого старика, потому что люди – это единственная раса, которая хоть как-то может противостоять *им*...

Три года князь был одинок в своем знании о *тех-кто-смотрит*. Только через три года он осмелился довериться одному-единственному человеку – Гиалу. И Гиал понял его и разделил его ненависть. А еще через год Лелеан и Гиал узнали, что не им одним известна *истина* – их нашел Гархаллокс.

Последние годы, еще до встречи с Гархаллоксом, Лелеан писал поэму, в которой пытался зашифровать открывшееся ему знание. Писать открыто он не решался вовсе не из трусости. Он доподлинно знал, как *они* расправляются с теми, кто *им* неугоден, а ему предстояло еще столько совершить! Он просто не имеет права рисковать!

Потому что скоро все изменится. Потому что скоро придет Царство Человека.

Князь богат. Под его властью чуть менее тысячи верных ему воинов и десятки сильных магов. Его родной брат и ближайший друг – князь Гиал – владеет семью сотнями воинов и состоянием, вполонину меньшим состояния Лелеана. О, как страстно ждут Лелеан и Гиал указаний от Гархаллокса, указаний к началу действий! И тот, и другой отдадут все, что имеют, вплоть до родовых замков и самой жизни – лишь бы спала с людских глаз пелена забвения и обмана, лишь бы исчезла тяжесть смертельной опасности, лишь бы быть уверенным в будущем своих потомков. И Лелеан знает, что Великие Перемены уже не за горами. То время, когда привычный порядок обрушится, уже настало. Может быть, сигнал из Дарбиона придет через неделю. Может быть, завтра. А может быть, уже сегодня...

За лишенной запора дверью комнаты послышался какой-то шорох. Князь очнулся от своих раздумий и встал из-за стола. Неясное предчувствие заставило его обнажить короткий и легкий серебряный клинок искусной гномьейковки.

– Кому угодно посетить место моего уединения? – громко спросил князь.

Услышав голос Гиала, Лелеан усмехнулся своей подозрительности, вложил меч в ножны и приказал двери открыться. Через минуту братья развернули бумагу, взятую из тубусов, и погрузились в обсуждение последней главы поэмы. За разговорами они не заметили, как день угас.

Когда солнце полностью скрылось за вершинами Белых гор, тень в углу комнаты ожила.

Лелеан прервал фразу на полуслове и, закатив глаза, вдруг повалился навзничь. Не успело его тело коснуться пола, как Гиал вдруг ощутил острый холод под левой лопаткой. Он попытался обернуться, чтобы увидеть своего убийцу, но тело перестало его слушаться. Гиал упал у стола уже мертвым.

Человек, обнаженный и черный, словно сотканный из непроницаемого мрака, стряхнул капли крови с длинных тонких лезвий, поблескивающих меж пальцев его правой руки. Сжал пальцы, и лезвия тотчас исчезли.

Чернолицый удостоверился, что оба князя не подают признаков жизни. Дальнейшие его действия были несколько странны. Достав из мешочка на поясе костяную иглу и моток вяленых бычьих жил, он умело и быстро зашил раны на телах трупов. Затем натальной рубахой Гиала старательно вытер обильно залитый кровью пол, а рубаху закопал в каминной золе. Потом тщательно осмотрел угол, в котором просидел несколько часов в ожидании назначенного времени, и, не найдя там никаких следов своего пребывания, бесшумно скользнул в окно.

* * *

По ту сторону Белых гор Гавар, придворный ювелир князя Линдерштейнского, задыхаясь от вечернего зноя, прогуливался по двору собственного двухэтажного каменного дома. В руках Гавар держал арбалет. Тучный ювелир пыхтел и обливался потом, цокая каблуками сапог по мраморным плиткам. Толстенная золотая цепь побрякивала на его голой оплывшей груди, красные шаровары были насквозь мокры от пота. Слуги и домашние скрылись в доме и затихли – Гавар был обуян дурным настроением, а когда такое случалось, никто не рисковал попадаться ему на глаза. Услышав тяжелое хлопанье крыльев, Гавар развернулся, одновременно вскидывая арбалет. Здоровенный зубан с раздувшимся брюхом неуклюже брякнулся на бортик журчащего фонтана, под которым неподвижно лежал труп большой собаки с застрывшим в шее

арбалетным болтом. Зубан на минуту окунул башку в воду и, напившись, словно издеваясь над хозяином дома, разинул клыкастую пасть, выкатил бельма и душераздирающе запищал.

Хотя от фонтана его отделяло не более десяти шагов, Гавар долго прицеливался, всхрипывал, хлюпал носом и ожесточенно дергал бровями, стряхивая капли пота, катящиеся со лба. Зубан снова запищал и захлопал лохматыми крыльями, явно собираясь взлететь, – и ювелир нажал крючок. Тяжелый арбалетный болт, пронзив тварь насквозь, сшиб ее в воду, где плавали уже три такие же зверюги, которые на свое несчастье решили утолить жажду во дворе дома ювелира.

– Готов! – торжествующе заорал Гавар, швыряя арбалет себе под ноги. – Гадина! Вонючая гадина! С-скотина! Сдох, мр-разота!

Надо сказать, что тирада эта предназначалась вовсе не безвременно почившей твари. Посылая болты, ювелир видел перед собой не зубанов (и не сторожевую псину, которая в неурочный час выбрела глотнуть свежего воздуха), а проклятого краснобородого Марака-орабийца, ненавистного чужестранца, прибывшего ко княжескому двору Линдерштейна всего полгода назад и уже умудрившегося затмить Гавара мастерством огранки драгоценных камней. Этот-то Марак и был причиной дурного настроения Гавара, именно из-за краснобородого чужестранца лишились жизни вредные крылатые твари и ни в чем не повинная собака... Проклятый орабиец! Чего доброго, этот смуглолицый пройдоха отобьет у Гавара последние заказы и – не допусти, Светоносный! – вселится в его прекрасный дом!

– Ублюдок... – прохрипел охваченный мрачной жадой убийства ювелир, заряжая очередную болт и оглядываясь в поисках новых жертв. – Ничего... Ничего... Недолго ждать осталось!

Род Гавара испокон веков жил в здешних местах. В роду Гавара ювелирное ремесло передавалось из поколения в поколение. И из поколения в поколение передавались сказания о былых, совсем уже легендарных временах, когда грянула Великая Война, когда в эти земли пришли *те-кто-смотрит*. Когда люди были вырезаны от млада до стара, дома снесены до основания, а леса и пашни выжжены до черной золы. Гавар и каждый в его роду знали, что опасность повторения прошлого все еще висит над ними и с веками нисколько не ослабла. Поэтому, когда в жизни ювелира появился Гархаллокс, Гавар искренне и с восторгом поклялся в вечной верности обществу без названия, в которое вступил, и не жалел золота на его нужды. Необходимо добавить, что не только впитанная с материнским молоком ненависть к *ним* двигала придворным ювелиром, а еще и холодный расчет, на котором также был взращен Гавар. Как любой делец от природы, он в каждом явлении жизни прежде всего смотрел на возможную прибыль. Потому и давал Гархаллоксу столько золота, сколько тот просил, – и даже не торговался, ибо знал, что рано или поздно его пожертвования воздадутся ему сторицей.

«Ничего, – думал Гавар, высматривая в небе еще кого-нибудь, чтобы удовлетворить горевшую в груди злую жажду. – Скоро все кончится. Скоро я не в два этажа, а в три дом выстрою. Два дома! А то и три! А этого паскудного Марака привяжу к кобыльему хвосту, и пусть мчат его до самой его поганой Орабии. Тогда уж не я перстни да ожерелья ковать буду, а мне будут ковать. Ничего...»

На высокую изгородь сели еще три зубана. «Сколько ж этой гадости развелось... – неприязненно подумал Гавар. – Откуда они лезут-то? Ведь никогда никто про этих тварей и не слыхивал... Не иначе *их* работа... Кур таскают, скот портят... На людей нападают, сволочи зубатые-крылатые...»

Он нацелил на одну из тварей арбалет, но выстрелить не успел. Зубаны перелетели со стены на бортик фонтана.

– Сейчас напьетесь... – пробормотал Гавар, отступая на шаг, чтобы упереться спиной о стену дома, – сейчас досыта нахлебаетесь...

Он так и не нажал на крючок. Тонкая волосяная струна удавки, скользнувшая откуда-то сверху, молниеносно и плотно обхватила жирную шею. Гавар уронил арбалет и захрипел, выпучив глаза. Каблуки его сапог оторвались от земли и пару раз ударили в стену. А потом безвольно обвисли. Придворный ювелир из Линдерштейна рухнул под стену собственного дома мертвым. Это случилось ровно тогда же, когда сердца князей Лелеана и Гиала из Крафии перестали биться.

Чернолицый, мгновенно намотав удавку на руку, черной ящерицей слетел из-под балконного карниза и перемахнул через двор на стену. Держась в тени, он двигался так быстро, что даже если бы кто-то и мог его сейчас видеть, этот кто-то заметил бы лишь нечто вроде порыва черного ветра.

Ровно в ту же минуту, когда умерли Гавар, Лелеан и Гиал, за тысячи и тысячи лиг отсюда, в королевстве Марборн герцог Уман Уиндромский, охотясь в лесу на вепря, в азарте погони оторвался от своих людей и... должно быть, напоролся грудью на острый сук – на полном скаку кувырком слетел с коня и рухнул в кучу валежника бездыханным...

Ровно в ту же минуту на северо-востоке от Гаэлона, в обширном царстве Кастарии, почти сплошь покрытом густыми лесами, царский воевода Парнан, низкорослый и широкоплечий, будто гном, продрал к вечеру глаза после дружеской попойки. Мыча и пятерней пытаясь расчесать колом стоящую бороду, доковылял до ушата с ледяной водой и с наслаждением ухнул туда гудящую головушку... которой чья-то железная рука не давала подняться точно столько, сколько нужно человеку, чтобы захлебнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.